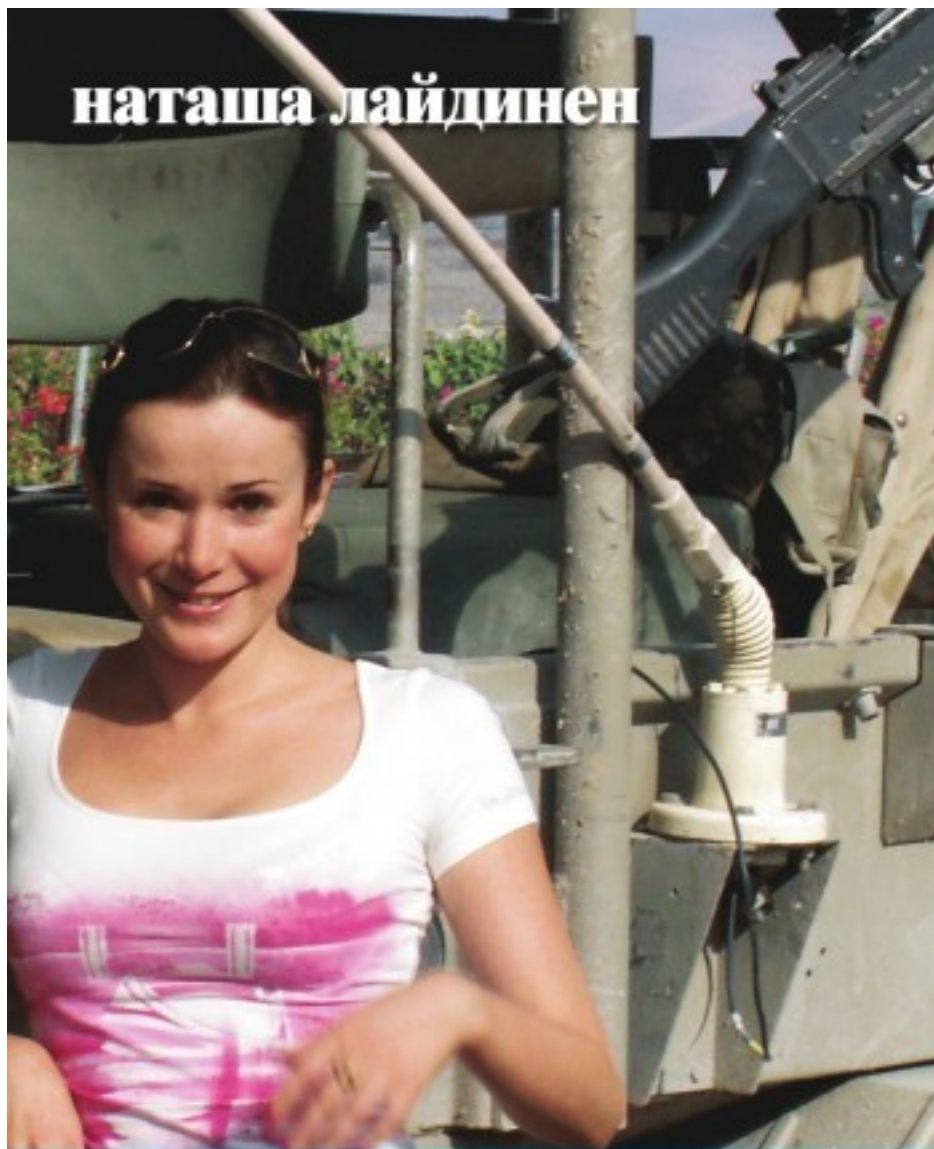

наташа лайдинен

израиль без обрезания

роман-путеводитель

Наталья Лайдинен

**Израиль без обрезания.
Роман-путеводитель**

«РИПОЛ Классик»

2009

Лайдинен Н. В.

Израиль без обрезания. Роман-путеводитель / Н. В. Лайдинен —
«РИПОЛ Классик», 2009

Смелая девушка Карина, московский фэшн-фотограф, попадает в водоворот событий и открывает совсем другой Израиль, который вряд ли увидят ленивые туристы. Она знакомится со своеобразием израильской моды, кошерной и некошерной едой, веселится на еврейской свадьбе, постигает особенности неизвестной религии бахаи и становится вершиной любовного треугольника, лишая подругу детства мужчины ее мечты. Военные базы Голанских высот, поиск похищенных из России икон, приключения в Рамалле и развод «по-еврейски» – все это оставит необыкновенные впечатления и фотографии и навсегда изменит жизнь героини.

© Лайдинен Н. В., 2009

© РИПОЛ Классик, 2009

Содержание

Бегство от гламура	5
Первые приключения	11
По библейским местам	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Валерьевна Лайдинен

Израиль без обрезания.

Роман-путеводитель

*Благодарю Министерство обороны, Министерство туризма
Израиля за помощь, оказанную в работе над этой книгой, а также
благодарю моего давнего друга Л. Р. Раутио за то, что открыл мне
Израиль с неожиданных сторон*

Бегство от гламура

В небрежно зашторенное окно бил яркий солнечный свет, я с трудом открыла глаза. Зря все-таки вчера снова выпила снотворного: с утра голова гудит как медный колокол! Я взглянула на часы – уже без пяти двенадцать! Снова проспала все на свете, а вставать отчаянно не хочется. Нет никаких сил, последнюю энергию как будто высосало.

Собрав в кулак остатки воли, стащила себя с постели. Контрастный душ немного привел меня в чувство. Я решила на крайнюю меру: тяжело вздохнув, достала из-за дивана свернутый коврик для занятий йогой и обреченно расстелила его посреди комнаты.

– Не смей расслабляться, Карина! Соберись немедленно! Чувствуй в себе всю гармонию Вселенной! – привычно начала я проговаривать аффирмацию уверенности в себе, как учил мастер на последнем курсе аутотренинга, недавно пройденном.

Усевшись в позу лотоса, я постаралась глубоко дышать на счет и получать из Космоса живительную энергию. Промучившись так минут десять, бросила это бесполезное занятие. Закурила и пошла варить крепкий кофе. Никто пока не изобрел лучшего лекарства от затяжного стресса, даже продвинутые йоги, увы.

По пути нашла на тумбочке мобильный телефон и машинально включила. Вдруг что-нибудь хорошее с утра? Например, Пашка позвонит, одумавшись? Я все еще лелеяла эту дурацкую мысль!

Действительно, тут же раздался резкий противный звонок, я почувствовала неприятности. Это был совсем не Пашка.

– Карина! Ну где же ты? У нас съемка срывается! Мы тебя уже пятнадцать минут в бутике ждем! – истерично завизжал в трубку знакомый голос. – Еще и телефон не берешь! Что за дела?

Это Женя, молодая, но очень строптивая журналистка, с которой я в последнее время работала для одного модного глянцевого журнала. Недавно она вступила в романтические отношения с главным редактором Сергеем Краснодольским и, как иногда бывает у молодых девчонок в таких случаях, почувствовала себя очень уверенно, обнаглела. Короче, началась «звездянка». Бедняжка, она еще просто не узнала от коллег, что она как минимум третья такая за последний год. Не считая случайных связей... И не стоит делать из этого скандала.

Меня пробил холодный пот. Точно, сегодня на час дня запланирована фэшн-съемка в одном из самых крутых бутиков в Третьяковском проезде!

– Да я тут так... В пробке застряла! – прокричала я в ответ, уже пытаюсь как можно быстрее втиснуться в джинсы. – Скоро буду!

Плеснула на лицо тональник, нарисовала глаза и губы, причесалась, схватила кофр с камерой и чемодан с прочими фотоприбабасами и через две ступеньки, тихо поминая недобрым словом глянцевого журнала, журналисток и редакторов, рванула к машине. Черт, заважена снегом! Пара движений щеткой – и сугроб на колесах срывается с места. Утро понедель-

ника обычного фэшн-фотографа глянцевого журнала, черт бы всех побрал! Нагло проручив по встрече, к счастью, не нарвавшись на мздоимцев с полосатыми палочками, через полчаса я оказалась в Третьяковском проезде.

Вбегая в бутик, я успела одновременно скинуть куртку, надеть дежурную улыбку и расчехлить камеру. Обычно на публику это сразу действует примиряюще.

– Привет! Будем работать?

Помещение мгновенно окинуто натренированным взглядом.

Старший менеджер и несколько сотрудников сидят с напряженными лицами как будто кол проглотили. На столе – маленькие чашечки с остывшим кофе. Я вижу, какая гамма чувств проходит по лицу Жени. Ей двадцать четыре, и ей кажется, она опытна и хорошо знает жизнь. Только вот пока плохо справляется с мимикой. Это проходит через пару лет работы в модной журналистике. Если после расставания с Краснодарским она в ней продержится хотя бы несколько месяцев!

– Приношу извинения. Пробки. Москва-столица...

Все нормально, сотрудники бутика сразу зашушукались и заулыбались. Не обращая на них никакого внимания, я быстро выставила свет и попросила принести мне кофе. Одна из продавщиц едва не проглотила вешалку от моей наглости и взглянула на старшего менеджера. Та незаметно кивнула. Продавщица кисло улыбнулась и удалилась походкой вышедшей в тираж провинциальной модели. Я продолжила возню с софитами и зонтиками. С презрительной улыбкой на поджатых губках продавщица принесла мне кофе. Жадно выпив его большими глотками, я вошла в привычный рабочий ритм, стало полегче.

– Карина, мы должны отснять сумки, ремни и другие аксессуары. И несколько моделей из новой коллекции... – жеманно поводя плечиками, произнесла Женья. У нее это вторая съемка в жизни. У меня – тысяча вторая. Поэтому я прекрасно знаю, что, даже если бы я опоздала на час, продавщица все равно сделала бы мне горячий кофе. А старший менеджер вежливо улыбнулся, поскольку их прямая пиаровская заинтересованность – засветиться в одном из самых популярных глянцевых журналов. И ради этого с высоты своего положения не грех и потерпеть идиотские опоздания и прихоти раздолбаев-фотографов и стремных журналистов.

Съемка прошла нормально. Продавцы и менеджер охотно позировали на фоне своей сверхдорогой и временами довольно безвкусной продукции. Больше всех, по неопытности, в кадр лезла Женья. Она же пыталась выстроить композицию и ракурсы. Я послушно фотографировала, следуя ее указаниям, сдерживаясь из последних сил. Малышка, она еще просто не знает, что все равно фото с ее смазливой глупой мордашкой гламурный самодур-редактор никогда не опубликует, даже несмотря на внезапную интимную близость.

После двухчасовой съемки Жене, как автору будущего хвалебного материала, торжественно вручили двадцатипроцентную скидочную карту, а мне достался фирменный пакетик, в котором сиротливо лежало несколько пробников духов. И на том спасибо!

Я подумала вдруг, что вряд ли что-то в профессии и извилистом течении псевдогламурной жизни сможет меня удивить. Жить вовсе не страшно, как модно сегодня говорить. Жить – скучно.

Распрощавшись с подобревшими вдруг продавцами и менеджером, которые сладко попросили меня закинуть им по возможности лучшие фото, я прыгнула за руль своей выдавшей виды «тойоты».

Куда дальше? Я колебалась ровно пару секунд. В этот момент снова затрещал мобильный.

– Карина, ты не могла бы прямо сейчас заехать в редакцию? – строгим голосом спросила меня Лола, заместитель главного редактора.

Она – нормальная баба, уверенная, сильная, только чересчур заикленная на моде и конченная шопоголичка, увы. А все от чего? От несчастной личной жизни, конечно. Гламурный

фасад и престижная работа – не гарантия успешного брака. Или хотя бы продолжительного романа.

– Да, скоро буду!

– Давай в кафе рядом с редакцией, чаю попьем! Надо поговорить!

– Отлично!

Я уже поняла, что у нее ко мне некий приватный разговор, наверняка неприятный. Через сорок минут я добралась до кафешки и кое-как втиснула машину поперек бордюра. Лола уже заждалась меня. По выражению ее лица было видно, что она слегка взволнована.

– Каринка, ты опять за свое! – сразу накинулась она на меня. – Ты сегодня сильно опоздала на съемку!

– А что, наша звездюлька уже нажаловалась? – ухмыльнулась я.

– Мне еще один свежавыжатый апельсиновый сок! – бросила Лола официанту.

– А мне – двойной эспрессо!

– Сколько можно пить кофе, Карина? Это же вредно для здоровья! – картинно всплеснула ручками подруга.

– Наплевать! Хоть при мне выйди из образа, плиз. Ты переигрываешь. Жить – вообще вредно, ты лучше меня знаешь! Так что там еще случилось? – Я закурила, с удовольствием наблюдая, как шарахнулась от меня Лола.

Она курила всю жизнь, а в прошлом году бросила, поскольку курить в Москве нынче не модно. Хотя иногда не выдерживает и курит тайком за углом редакции, но все делают вид, что не знают об этом.

– Женя позвонила в редакцию и настучала главному, что ты снова опоздала. И была очень нервной, вела себя вызывающе.

– Это кто еще нервный! – снова ухмыльнулась я. – И что? Ты сомневаешься в моем профессионализме?

– Да нет, что ты! – моментально дала обратный ход Лола. – Ты же знаешь, как я к тебе отношусь! Но Краснодарский... Он был в ярости. Я старалась тебя отмазать, как могла.

– Если журнал хочет расстаться со мной... – Я взяла театральную паузу, балуясь колечками дыма.

– Каринка, перестань ломать комедию! Никто не собирается с тобой расставаться. И в квалификации твоей никаких сомнений нет. Все знают, что ты в фэшн-фото одна из лучших!

– То-то же! – удовлетворенно кивнула я. – Тогда какие проблемы?

– А такие! Пойми, я твой друг! – сказала Лола, беря меня за руку. – Я знаю, что у тебя в последнее время проблемы. В личной жизни и вообще... Но это не должно отражаться на работе, понимаешь?

Я кинула на Лолу быстрый вопросительный взгляд и нервно хихикнула.

– Что, уже донесли? Кто, интересно?

– Ты же знаешь, редакция – натуральный гадюшник! – после секунды замешательства вздохнула Лола. – Когда я три года назад разводилась с Антоном, все тоже знали и обсасывали это на каждом углу – некоторые с сожалением, большинство с радостью! Поэтому и про твою историю с Павлом, увы, всем уже известно. Но ты не переживай, скоро всем надоест ее обсуждать, появится что-то свеженькое... Вот, например,

Анжелика, ведущая с МТВ, себе грудь пришила. На следующей неделе из клиники выйдет. Был первый размер – стал пятый. Чем не повод для новых сплетен?

– А про меня-то что известно? Что Пашка меня бросил? – все же немного занервничав, спросила я и заказала коньяк. – Красивый мальчик из модельного бизнеса предпочел стареющую бизнес-леди неуравновешенному и эмансипированному фэшн-фотографу?

– Ну перестань, Каринка! Ты не банальный фэшн-фотограф, зато она – старая карга с большими бабками и пластикой всего тела... И это тоже всем известно. У нее на бедрах страш-

ный целлюлит, между прочим! Мало ли что мелют! Не смей пить, ты же за рулем! И мне не наливай! Я... вообще не пью!

– И давно ли? – хмыкнула я. – Эти байки ты своим гламурным мальчикам рассказывай! Выпьешь за подругу, ничего не случится. Я с тобой три года назад бочку всякой дряни выпила! – Мы чокнулись пузатыми бокалами. – Так что говорят? Ну, не бойся, только честно!

– Что Пашка ушел от тебя, поскольку хотел спокойную, обеспеченную жену со стабильным финансовым положением, которая восхищается им, пытается его понять, а не бежит с утра до ночи по фотосессиям... – пролепетала Лола и покраснела.

– Все ясно, я мало восхищалась его неземной красотой и мало зарабатывала! – мрачно сказала я и заказала еще выпить. – А долги его карточные чужой дядя платил! И съемки рекламные на TV устраивал через своих знакомых тот же дядя. Ладно, проехали. Дядя был полный идиот. И что в нашей редакции по этому поводу говорят?

– Ржут в основном. Никто с самого начала не верил, что у вас что-то путное выйдет. Вы слишком разные. Было же понятно, что он у тебя от большого отчаяния.

– Надо же, какие все умные! – хмыкнула я.

– Пашка – смазливый мордашка! Краснодарский сказал, что в принципе его понимает. Марго – очень удачная, редкая партия!

– Еще бы! Сам-то и полгода ни с кем не продержался! Обеспеченная вдова – мечта любого пидора! – в сердцах заявила я. – Все мужики вокруг инфантильные нарциссы в душе! Она его кинет.

– Я и не сомневаюсь. Пашка – игрушка на час, только ты его два года терпела, со всеми изменами. А еще говорят... Только ты не обижайся, Карина. Ты же моя подруга, мы столько лет... Я тебя так понимаю! Говорят, ты много работала последнее время, очень устала. А тут еще вся эта история с Пашей... Я думаю, тебе надо отдохнуть.

– Значит, ты озвучиваешь коллективное мнение редакции? Что, уже и в психи меня записали? – Я хлебнула коньяка и, морщась, закусил лимоном. – В буйные?

– Не то чтобы, но почти. Ты такая нервная последнее время стала, везде опаздываешь, хамишь, выглядишь неважно. Еще и по тренингам ходишь, по психологам разным. От них – один шаг до психиатров!

– И про это уже знают! Молодцы! Быстро.

Лола закатила глаза и пожала плечами, что означало утвердительный ответ.

– И что мне теперь делать? Я при таких раскладах в редакцию больше ни ногой! Чтобы все смотрели и думали, как меня Пашка кинул... И смеялись надо мной! Нет уж! – Всхлипнула я.

– Да, ты права. Надо взять паузу, чтобы все утряслось! Мой тебе совет, – сразу оживилась Лола, – уезжай из Москвы, отдохни. Все образуется. Вот увидишь!

– Если честно, меня до смерти заели эти съемки в бутиках! – вдруг сказала я.

– Да что ты городишь, Каринка! Ты напилась просто... И я вместе с тобой. Среда бела дня! Ужас какой! Ничего, завтра будет новый день и все наладится. Только не говори никому, что я с тобой пила! Не поймут ведь! Я же – за здоровый образ жизни! У меня даже рубрика такая!

– Ничего больше не наладится, Лола! – меня потянуло на откровения. – Я тебе честно скажу. Когда-то я мечтала работать для глянцевого журналов, это казалось мне вершиной успеха. Но сейчас все изменилось. Мне скучно. Все одно и то же: модели – бутики – шмотки, шмотки – бутики – модели. Никакого творчества, фантазии, полета!

– Ты хочешь творчества и полета? – изумленно посмотрела на меня Лола. – Но тебе же платят неплохие деньги и к тому же терпят все твои опоздания, капризы, причуды... Ты всегда в гламурной тусовке, среди знаменитых людей. Разве это не творчество?

– А мне всего этого не надо! Может, я совсем другого всю жизнь хотела.

– Ты точно устала! – озабоченно посмотрела на меня Лола.

– Я сама не знаю...

– Ничего-ничего! – Успокаивающе погладила меня по плечу подруга. – Мы дадим тебе отпуск. И премию. Поезжай на месяц-полтора, отдохни где-нибудь. Забудь вообще про моду. Оттянись по полной! Море, СПА, новые впечатления – лучшее лекарство! Мы как раз закроем последними фотками следующий номер. Выплатим тебе гонорары авансом. Понимаешь, Краснодольский сказал, что не будет больше терпеть тебя в таком состоянии...

– Да я этого Краснодольского, знаешь, где видала? Я сама его терпеть больше не могу! Пусть его Женька терпит! – огрызнулась я, потом тормознула и потерла ладонью лоб. – Ты на самом деле думаешь, что мне нужен отдых?

– Однозначно! – воодушевилась Лола. – А потом с новыми силами... Такой проект заму- тим, конкуренты умрут от зависти! Я же знаю твои таланты!

– Может быть, и правда, уеду... – растерянно произнесла я. – Только куда, с кем?

– Слушай, у тебя в телефоне сотни контактов. Позвони кому-нибудь! – пожала плечами Лола. – Отправляйся на все четыре, чтоб я тебя тут больше в таком настроении не видала! Только не забудь, нам завтра нужны фото с сегодняшней сессии!

– Да сделаю, сделаю, не волнуйся! А ехать-то куда? Еще и Новый год на носу.

– Вот и здорово! Езжай, куда бог пошлет!

– Хорошенький ответ!

Мы распрощались, и я закоулками, чтобы на ментов случайно не нарваться, тихонько порулила в сторону дома. Может быть, Лола права и мне действительно просто надо отдохнуть, сменить обстановку, и все наладится?

* * *

Вечером я дремала перед компьютером, редактируя снимки в фотошопе, как вдруг снова зазвонил телефон. Никакого покоя в жизни – ни днем ни ночью!

– Кариночка, ты? – защебетал в трубке веселый голос с акцентом. – Как я рада тебя слышать! Это Мила, Мила Зильберштейн, ты помнишь? Твоя одноклассница. За одной партой в школе сидели. Я у тебя еще математику списывала все время. Помнишь?

– Милка? Ты, неужто? – ошарашенная я и сразу встряхнулась. – Как ты меня нашла?

– Очень легко! – на том конце раздался залихватистый смех. – Сейчас все кому не лень друг друга через Интернет находят. Я недавно зарегистрировалась на сайте «Одноклассники», сразу тебя искать стала. И нашла! Ты почти не изменилась.

– Милка! – Мне показалось, в моей жизни начинается нереальный камбэк. – Ты же уехала, когда мы были...

– В восьмом классе! – снова рассмеялась моя школьная подруга. – Потом ты тоже куда-то пропала...

– Знаешь, учеба, смены адресов, съемные квартиры...

– Вот и у меня так же! Закрутила жизнь!

– Милка! Как вообще твои дела? – я вдруг взорвалась приступом неуместной радости. – Если бы ты знала, как я рада тебя слышать! У меня тут такое происходит...

– Я тоже очень рада, ищу тебя последние года три. Ни в одной редакции не дают твоих телефонов. Как я? Нормально. Уехала в Израиль, отслужила в армии, вышла замуж, развелась. Сейчас владею небольшой турфирмой, живу в Тель-Авиве. Все неплохо! Только скучаю иногда. Все классно, но вроде чего-то не хватает. Ностальгия, наверное.

– А дети есть?

– Да, дочка Дана, учится в школе. Настоящая израильтянка! Ты не поверишь!

– Ну ты даешь... – выдохнула я. – Не верю до сих пор, что ты меня нашла!

– А как ты? Все в порядке? Я видела в Интернете, ты известный фотограф, лауреат нескольких премий... Молодчина! Наверное, зарабатываешь хорошо.

– На жизнь хватает. Но это все неважно. Так, все по-старому. Детей нет, мужа нет, последний бойфренд ушел месяц назад... К сорокапятилетней вдове! Она миллионерша...

– Бедная моя! – сочувственно вздохнула Милка. – А ты знаешь, приезжай ко мне! Отдохнешь немного. Израиль – очень красивая страна. Не пожалеешь! А может, и замуж сосватаю. У меня рука легкая.

– Правда? Ты меня что, прямо в гости приглашаешь? – не поверила я. – Я только сегодня думала, куда бы поехать, чтобы сменить обстановку и в себя прийти немного. Одна ездить за границу не привыкла.

– Вот и здорово! Приезжай! Поживешь в Тель-Авиве, придешь в себя. У нас тут весело! Будет желание – поездишь по стране с экскурсиями... Встретим Новый год. Поболтаем, наконец! Сколько мы не виделись?

– Лет пятнадцать? – навскидку предположила я.

– Шестнадцать с половиной! – уверенно сообщила Милка. – Я тебе сброшу в почту все, что ты должна делать, чтобы быстро получить визу. Бери отпуск – и никаких отговорок! Мы с Даной тебя ждем!

Я окончательно вышла из транса и в состоянии внезапной эйфории сразу перезвонила Лоле.

– Ты была права. Мне нужен отпуск. Я решила – лечу в Израиль!

– Ну ты даешь! Скорость, как у самолета! – изумилась та. – Вот молодец! В Израиле обрати внимание на молодых сефардов...

– Сефарды? – рассеянно переспросила я. – А вот тут лучше обойтись без сефардов! Был у меня один сефардский активист местного еврейского движения – знал, где общинный дом находится да на какое место кипу надевать. А еще пугал всех своих любовниц тем, что никому ничего не оставит, а все свои деньги истратит на покупку нескольких израильских танков, чтобы они на его наследство губу не раскатывали. Жмот был страшный, в постели – никакой, с хроническим страхом перед браком к тому же. Так вот он, когда новых девочек окучивал, себя иначе чем потомком великих сефардов, знатоком Торы, не называл. Еврейская белая кость!

– Это ты о ком? – насторожилась Лола.

– Да о Вите Пферде, ты его знаешь. Если все сефарды такие, как он, – лучше держаться от них подальше! – сказала я.

– Тебе просто не повезло! – убежденно сказала Лола. – Я думаю, Витя Пферд никакой не сефард, а просто жмот! И нечего на него обижаться. Я тебе еще тогда по поводу вашего романа высказывалась, но ты не слушала!

– Ты думаешь, у меня с ним ничего не получилось бы?

– Уверена в этом! У него ни с кем не получится. В Израиле все по-другому! На самом деле секс с обрезанным евреем вообще не поддается никаким описаниям! Евреи – суперлюбовники.

– Поговорим через месяц! Фотки завтра в редакцию с утра на диске закину. И будь что будет!

– Ты только не пропадай! – попросила Лола. – Звони! А если подходящий жених для меня подвернется – тоже не теряйся! Сразу скажи, я быстренько подъеду. И привези мне соль для ванны с Мертвого моря. В Москве так много подделок... Завидую я тебе!

Первые приключения

Через неделю я с новой стильной прической от модного парикмахера и новыми надеждами приехала в аэропорт, чтобы зарегистрироваться на рейс компании «Эль-Аль».

– Вы летите одна? – с подозрением спросил меня молодой широкоплечий человек, регулирующий очередь.

– Да.

– Проходите к третьей стойке. Я послушно прошла.

– Служба безопасности «Эль-Аль». Мы зададим вам несколько вопросов, касающихся безопасности вашего полета, – как робот, сообщил мне не улыбочивый человек в темном костюме. – Какова цель вашего визита в Израиль?

– Меня подруга пригласила... Представляете, с восьмого класса не виделись!

– Первый раз в Израиль?

– Да.

– Вы всегда летаете одна?

– Да, частенько.

Молодой человек посмотрел на меня с большим подозрением.

– А как зовут вашу подругу в Израиле?

– Мила Зильберштейн. Точнее... так ее звали шестнадцать лет назад. Сейчас – Мила Грубер.

– А где она живет?

– В Тель-Авиве, у нее своя квартира. Офицер, казалось, был удовлетворен ответом.

– Мы осуществим проверку вашего багажа. В нем есть предметы, связанные с электричеством? И что в вашей большой сумке?

– Я фотограф. У меня с собой камера, объективы, зарядные устройства к батареям фотоаппарата...

– Мы должны их проверить.

Мой бесценный кофр и чемоданчик с аппаратурой унесли. Минут пятнадцать ожидания оказались достаточно нервными.

– Вы можете забрать фотоаппарат, – сообщил наконец молодой человек, – но кофр мы оставим у себя до посадки. Кстати, что именно вы собираетесь фотографировать в Израиле?

– Все! – опешила я. – Достопримечательности, лица евреев, арабов, Иерусалим, сектор Газа...

– Сектор Газа? – вскинул брови офицер. – Подождите тут!

Я попыталась возмутиться – тщетно! После некоторой паузы и тщательного перебора трусов в чемодане, сборки-разборки штатива мне выдали-таки на руки заветный посадочный талон и паспорт, отпустив для прохождения паспортного контроля. Я насилу упростила стража порядка хоть кошелек из кофра забрать, чтобы кофе выпить. Хорошенькое начало путешествия!

Но этим дело не закончилось. На входе в самолет меня ожидал очередной сюрприз.

– Карина Малинина? – спросил меня сотрудник службы безопасности. – Пройдите, пожалуйста, со мной.

Я прошла в стеклянный аквариум, печально наблюдая за тем, как в самолет пропускают других пассажиров. Гораздо более подозрительных, чем я.

– Отдайте вашу камеру!

– Но ее уже досматривали! – возмутилась я. – Что за дела?

– Необходим повторный досмотр!

Тон офицера был непреклонным, я повиновалась.

– Пройдите, пожалуйста, сюда! – меня пригласила за занавеску строгая девица в форме. – Раздевайтесь!

– Как, совсем?

– До нижнего белья.

– Но почему?

– В интересах безопасности авиалиний. Я повиновалась.

Девица долго досматривала меня газоанализатором, это было похоже на издевательство.

– Может, еще куда-нибудь мне эту штуку засунете? – не выдержала наконец я. – Вдруг там что-то неожиданное обнаружится?

– Понадобится – засунем! – невозмутимо ответила сотрудница «Эль-Аль». – А будете хамить – снимем с рейса.

Я наконец-то поняла, что лучше мне помолчать.

– Ваши сапоги мы вынуждены сдать в багаж! – огорошил меня на выходе из кабинки офицер.

– Но почему? Вы объясните. Что, есть какие-то подозрения по их поводу?

– Имеются... – отводя глаза, сказал офицер. – У вас в чемодане есть другая пара обуви?

Еще через пятнадцать минут на борт подняли мой чемодан. Перерыв содержимое, уже изрядно помятое и прощупанное сотрудниками «Эль-Аль», я извлекла на свет божий старые кроссовки.

– А сапоги хоть можно в чемодан положить? – с надеждой спросила я.

– Нет, – офицер уже заворачивал их в целлофан.

– Осторожней, это очень дорогие сапоги, «Эска-да», – взмолилась я. – Каблук может сломаться.

– Нечего летать в такой обуви, к тому же на шпильке! – отрезал офицер. – Вы не на парад мод едете! И заберите ваш кофр! Чемодан с аппаратурой полетит в спецотсеке, получите его на выходе.

– Удивительно, что вы там ничего не обнаружили! – съязвила я.

Я последней вошла в самолет. Стюардессы посмотрели на меня неприязненно. Рейс уже задерживался.

На соседнем месте сидел черноволосый молодой человек. Прижимая к груди кофр с камерой, я протиснулась на свой трон.

– Простите.

– Ничего страшного! – улыбнулся он.

– Ваши места расположены рядом с запасным выходом! – нависая, пророкотала стюардесса. – Ваша ручная кладь должна быть наверху!

Проклятый кофр! Я направилась обратно к проходу. Вежливый молодой человек приподнялся.

– Там есть место! – доверительно сообщил он. – Давайте я помогу!

– Замечательно! – сквозь зубы пробормотала я, с шумом открывая багажное отделение. – Сама справлюсь!

Оценила обстановку. Наверху лежала пара пакетов, кейс и черная шляпа, занимавшая половину отсека. Я без колебаний взяла шляпу и попыталась пристроить ее на пакеты, чтобы освободить место для кофра. В этот момент, вскочив со своего места, истошно заголосил еврей с рыжей жидкой бороденкой и едва не набросился на меня.

Я вскрикнула и обернулась.

– Что случилось? – взорвалась я, не выпуская из рук злополучной шляпы.

– Шляпу его на место положите, – сказал мой сосед.

Я быстро положила шляпу. Еврей мгновенно замолк, однако через пару секунд с оскорбленным видом потребовал к себе бортпроводницу.

– Что произошло? – в сердцах спросила я у соседа.

– Это ортодокс, – с хитрой улыбкой ответил он. – Ты не имела права трогать его шляпу. Твои руки ритуально нечисты. Ничего, что я на «ты»?

Я не поняла, шутит он или нет.

– Тоже мне богатство нашел! И не такие шляпы видали. А у кого руки чистые – не ему судить! К тому же он едет как буржуй, один на трех креслах, ничего страшного не случится, если он положит свою драгоценную шляпу рядом с собой.

– Нашла дурака! – с улыбкой отозвался сосед. – А спать потом как? Ему даже к женщинам прикасаться нельзя.

К возмущенному ортодоксу прибежала взволнованная бортпроводница, громко посокрушалась на иврите и кое-как пристроила злосчастную черную шляпу поверх моего кофра. Пострадавший на некоторое время умолк, поглядывая в мою сторону торжествующе. Самолет набрал высоту, и уже через пять минут ему принесли еду. Он потребовал пива, которое было ему незамедлительно подано.

– А нам почему еду еще не принесли? – громко спросила я, поскольку мне тоже давно хотелось есть.

– Нам во вторую очередь! – спокойно отозвался сосед.

– Это почему?

– Ортодоксам положено – все самое кошерное! И сразу!

– Ко... ка... какое?

– Кошерное. Ты разве не знаешь?

– Нет!

– Сама невинность! Ничего, раз летишь в Израиль, узнаешь, – успокоил он меня. – Вот и нам закуски принесли. Читай, что на бумажке написано!

– Подтверждение кошерности! Что это значит?

– Значит, эту еду могут есть самые правильные евреи, вроде этого. Контроль качества! Все сделано по еврейским правилам.

– Что за правила?

– О! – хлопнул меня по плечу сосед. – Да у тебя все совсем запущено. Счастливый ты, оказывается, человек! Кашрут – правила еврейской чистоты во всем, в том числе в еде с точки зрения Галахи – еврейского закона. Кошерным может быть все – начиная от человека, заканчивая выпивкой!

– И что, интересно, для таких деятелей чисто? А что нет?

– О, это сложный вопрос! Без вина не разберемся. Пей, оно, кстати, тоже кошерное! Но для жизни не опасное.

Мы чокнулись.

– Так, о кашруте поподробней, пожалуйста! – попросила я. – А то мне в Израиле пару недель прожить предстоит... Подготовиться морально надо! Чтобы с голоду сразу не умереть!

– Не умрешь! – успокоил сосед. – В Израиле у всех туристов обычно другая проблема – лишнего веса поменьше набрать! А с кашрутом все сложно. Если в общих чертах, то запомни главное: из мяса можно есть жвачных парнокопытных, например телятина – кошерна. А свинина или верблюжатина – нет. Хищные, болотные и водоплавающие птицы нечисты и их яйца тоже. Нечисты еще яйца, если вдруг в них есть кровь. А также все пресмыкающиеся и насекомые...

– Фу, гадость какая! – поморщилась я.

– Но и это не все! Кошерных животных еще необходимо правильно забить, с использованием особых инструментов, за этим следят специально обученные люди. Важно, чтобы в мясе крови не было, она вся стечь должна. Правильные резники называются шахетами. Мясо потом еще солят или обжаривают. Не все части туши можно есть, в задней надо обязательно

удалять жилу. А еще надо непременно разделять мясное и молочное... Может, лучше тебе не заморачиваться сразу?

– Ужасы ты сплошные рассказываешь! – Меня передернуло. – Я вообще-то вегетарианка, мяса никакого не ем... Хотя иногда люблю рыбу и морепродукты!

– Тем сложнее для тебя! – воскликнул сосед. – Запомни, из морепродуктов правильные евреи едят только то, что имеет хотя бы один плавник и легко отделяемую чешую.

– Например?

– Ну, креветок, раков, крабов точно есть нельзя. Некоторые виды тунца некошерны. Зато рыбу святого Петра – мушт – можно запросто лопать в любых количествах!

– А что с овощами, фруктами? – забеспокоилась я, предчувствуя обострение гастрита.

– Главное, чтобы их правильно выращивали и в них не было личинок насекомых, а так – все разрешено. И с мясом, и с молоком! Да, еще забыл: посуда должна быть правильная, разная для всех видов продуктов. В холодильнике продукты не должны соприкасаться. Уже давно для особо религиозных делают большие двойные холодильники, с двумя дверьми. Иногда в доме бывает два холодильника. Ортодоксы в одном и том же холодильнике держать мясное и молочное никогда не будут, даже в разных углах. И мыть посуду после мяса и молока надо отдельно. А если пищу готовит нееврей – пиши пропало! Она некошерна. Бишуль акум, понимаешь!

– А ты сам кашрут соблюдаешь? – спросила я подозрительно.

– Я что, похож на больного? – расхохотался он. – В Москве кошерных ресторанов меньше, чем пальцев на одной руке. Ем что придется. Не страдаю при этом. И в Израиле кошерным ресторанам предпочитают обычные, что и тебе советую. Там вкуснее. Кашрут когда-то был актуален из-за гигиены еды, сейчас все иначе. Значит, не имеет смысла особо напрягаться.

– А разве не все рестораны в Израиле кошерные? – изумилась я.

– Совсем нет! Полно марокканских, ливанских, русских. Многие израильтяне вообще едят в основном питы с индюшатиной, в них сверху для запаха еще кусок бараньего жира кидают, причем поедают все это дело на ходу. Слышала про «фалафельный фастфуд»?

– Нет!

– Это типично израильская заморочка, на каждом углу увидишь. И плевать большинству граждан на кашрут и прочие штучки.

– Удивительно! – задумчиво сказала я, переваривая услышанное. – В мозгах не укладывается. Даже не знаю, как к этому относиться.

– Не все так страшно! На месте увидишь, что съестное в Израиле очень даже ничего! – успокоил жизнерадостный сосед. – Это точно у нас не самое страшное!

Между тем я с опаской поковырялась в принесенной еде. На первый взгляд ничего особенного. Больше всего мне понравился мягкий белый сыр типа брынзы.

– Национальный еврейский продукт! – сообщил мне сосед. – Можешь попробовать и есть везде – самое безопасное!

– Про кошерность я, конечно, не все поняла, а вино вот неплохое!

– Израильское вино замечательное, даже если оно кошерное! Хотя лучше всего – обычные вина Голанских высот. Попробуй, не пожалеешь! Судя по всему, у тебя нет еврейских корней?

– Разве у кого-то в России их нет? – рассмеялась я. – Стоит только покопаться... Прабабушка моя, как говорят, была еврейка, Мария Моисеевна. Но это было давно и почти неправда.

– Ничего подобного! – воодушевился сосед. – Ты можешь доказать свое еврейское происхождение! И получить гражданство. Кстати, меня Арон зовут, – вдруг переключился он.

– Ой, никогда не буду этого делать! Не смейся! Я – Карина, – переключилась и я. – Приятно познакомиться! У меня есть и армянские предки, и многие другие. Жгучая смесь кровей! Что, теперь принадлежность к каждой доказывать?

– Это ты зря, – задумчиво сказал Арон. – Еврейская кровь особенная, она все равно о себе напоминает! Наверняка тебя в твоей жизни тянуло на жгучих еврейских мужчин! Ты не замужем?

– Да ладно... Не замужем и не собираюсь пока! – Я между делом припомнила своих мужчин – Рома Мюллер, Шурик Гейман, Алик Розенберг, Витя Пферд, Паша Левкин... Мне захотелось промолчать.

– Еврейская кровь притягивает свою кровь! – авторитетно сообщил мне Арон. – Все равно полюбишь еврея!

– А это мы еще посмотрим! – ухмыльнулась я. – А тебе с твоим именем в Москве не доставалось?

– Да нет... – Арон задумался. – Школу-то я в другом месте заканчивал. Ты будешь смеяться, но все думают, я армянин. Обычно Арой зовут, я и откликаюсь. А менты часто документы требуют.

– А меня, наоборот, за армянку никто никогда не принимает!

– Вот видишь! Ведь ты в первый раз в Израиль летишь? А знаешь, какие трудности поджидают на выходе незамужних девушек, летающих в одиночку?

– Какие еще препоны? Мне их в Москве хватило! – напряглась я. – Понятия не имею.

– Не пугайся, если тебя суровые мужики в форме потащат в службу безопасности, учинят там подлинный допрос по всем позициям... – зевнул Арон. – Еще кредитки обязательно проверят, платежеспособна ли ты.

– Да что же за зверства такие со въездом-выездом?

– Это меры для обеспечения национальной безопасности! Я часто летаю, такого понагляделся...

– Так это ради безопасности с меня сапоги сняли? И переобуться заставили? Ну, хоть знать буду! – снова вскипела я.

– У сапог, небось, две металлические пряжки были? Могло сработать зарядное устройство. Это молодцы наши стражи порядка, что тебя в такой обуви не пропустили!

– Куда я лечу? – задалась я риторическим вопросом, прикрыла глаза и уж совсем здраво продолжила: – И зачем мне это надо?

– А на самом деле, зачем? – то ли съязвил, то ли проявил интерес потомок Моисея.

– Да просто к подруге я лечу! Отдохнуть, повидаться. Шестнадцать лет не виделись! В школе за одной партой сидели! Нас столько всего связывало! А ты? – Я подозрительно посмотрела на Арона.

– А я – израильтянин. У меня паспорт синий. Только я не дурак, в Израиле не живу. Только отдыхать приезжаю. Да родственников навестить. Все деньги делаются в Москве. Знаешь совковый анекдот про два парома? Он не потерял своей актуальности!

– Нет...

– На одном пароме евреи-репатрианты плывут из Одессы в Хайфу. На другом бегут обратно из Хайфы в Одессу. Посередине пути парома встречаются. И пассажиры обоих дружно крутят пальцами у виска...

Я рассмеялась.

– А как же ты тогда гражданином Израиля оказался?

– Очень просто. В начале девяностых с гражданством никаких проблем не было, у меня все евреи в семье. Получил даркон.

– Хотя, если честно, ты и вправду больше не на еврея, а на... выходца с Кавказа похож! – сказала я. – И внешностью, и акцентом таким... гортанным.

– Это все говорят. Я привык и не обижаюсь, – расхохотался Арон. – Я на самом деле из Баку. Там мое детство прошло. Эх, люблю этот город!

– А какой же язык у тебя тогда родной?

– В семье на иврите говорили. Отец был владельцем одного из крупнейших антикварных магазинов в Баку, отлично в предметах старины разбирался. Его в городе все очень уважали. А учился я в русской школе. На улице с пацанами и по-азербайджански говорить приходилось. И представляешь, все мирно жили до некоторых пор! А потом, когда весь бардак начался с национальной рознью, Сумгаитом, Карабахом... Меня однажды шальной пулей ранило на улице. Вот, шрам до сих пор остался. – Арон закатал рукав рубашки и продемонстрировал синеватый рубец. – После этого отец скрепя сердце решил, что надо бежать. Я ведь в семье единственный сын. У меня четыре младшие сестры... Кому-то надо обо всех заботиться. Продали имущество за бесценок и уехали. Отец, правда, без Баку любимого недолго прожил. А мать с сестрами нормально, акклиматизировались в Израиле. Сестры замуж повыходили. Не сильно счастливы, но живут пока. Там от мужа особо не уйдешь!

– А что же ты обратно в Россию уехал?

– Просто на святой земле выжить не смог! – вздохнул Арон. – Высшего образования законченного у меня не было, единственное, в чем хорошо разбирался, – в антиквариате, как отец научил. Но тут своих таких знатоков – пруд пруди. И пришлось мне работать строителем, слесарем, грузчиком, короче, везде, где брали. Сутками пахал, а деньги платили – копеечные! Двух лет репатриантского ада мне хватило. Поехал в Москву на заработки, стал заниматься тем же, чем и отец когда-то. Сейчас я признанный эксперт по антиквариату, у меня несколько магазинчиков. Вещи ко мне на оценку привозят из разных городов. Знаешь, я семье помогаю и сам неплохо себя чувствую!

– Это заметно! – подмигнула я, показывая на его дорогие, но неброские часы. – И костюм у тебя хороший, из последней коллекции.

– Ты что, в моде хорошо разбираешься? – удивился он. – Я понятия не имею, какой у меня костюм. Пришел в магазин, приглянулась вещь – взял, купил. Ну и что, что недешевая.

– Значит, просто со вкусом у тебя в порядке!

– Как интересно! Может, встретимся где-нибудь в Тель-Авиве? Вина выпьем? О моде поговорим?

– А как же это? – Я показала на безымянный палец с тонким обручальным кольцом.

– Я же восточный мужчина, женился по воле семьи рано, – пожал плечами Арон. – На той женщине, которую родители мне выбрали, из хорошей семьи горских евреев. Теперь жена с детьми живет в Израиле, а я в Москве. Навещаю их время от времени, помогаю материально. Что с того?

– Нет, братец! Не выйдет! – рассмеялась я. – Я хоть и не совсем восточная женщина, но с женатыми мужчинами не встречаюсь! У меня тоже есть некоторые принципы!

– Ну, Карина... Это же так несовременно!

– Закрыт вопрос! Лучше давай еще выпьем! Вино и вправду хорошее!

Мы выпили еще по бокалу вина, и я задремала. Когда проснулась, самолет уже снижался. В иллюминаторе показались силуэты небоскребов и длинные песчаные пляжи.

– Родной мой Тель-Авив! – протянул задумчиво Арон. – Что ж, Карина, добро пожаловать в Эрец Исраэль!

– Мои открытия уже начались! – улыбнулась я. – Спасибо, что просветил насчет горских евреев! И особенно – по части кашрута!

– То ли еще будет! Ты звони, если что. Вот тебе мой номер телефона.

– И не надейся, восточный мужчина! – самоуверенно заявила я, но визитку на всякий случай взяла.

– Тебя хоть встречают?

– А то! Лучшая школьная подруга! Милка! Мы давно не виделись, но я помню ее и школу до мельчайших деталей!

– Ну ладно. Бывай тогда!

– Пока, Арончик! Привет семье!

Миновав таможду на сей раз с минимальными сложностями, я получила багаж и переобулась в злополучные модные сапоги, которые по-сиротски прилетели в Израиль в отдельном отсеке, обмотанные целлофаном. Вышла через зеленый коридор, с чемоданом, кофром и аппаратурой, штатив – только что не в зубах. Еще умудрилась в самолете пару бутылок виски купить, чтобы было чем встречу с подругой отметить. Стою, кручу головой, кругом толпа разноголосая, шумная. Милки нет.

Я прошла к небольшому книжному магазинчику и еще раз внимательно осмотрелась. Может, время прошло, подруга юности изменилась, и я ее просто сразу не узнала? Зато меня и теперь не узнать сложно: я такая одна во всем самолете – с кофром и штативом наперевес. Странно!

Со всех сторон на меня посматривали мужчины арабской наружности, парочка из них и вовсе стала прохаживаться рядом со мной. Что делать-то? И Арон уже смылся, как на грех. Его встречал здоровенный джип. На святой земле я впервые почувствовала себя полной дурой.

Глубоко вздохнула несколько раз, прочитала аффирмацию, взяла себя в руки и вспомнила, что еще в Москве записала мобильный телефон Милки в память телефона. Стала лихо радочно набирать номер.

– Аллоу? – прозвучал в трубке ее расслабленный голос.

– Ну слава богу! С меня тут уже семь потов сошло! Милка! Ты где?

– А где ты? – удивилась она, что-то дожевывая.

– Я тут стою в аэропорту около книжного киоска... И рядом полно арабов!

– Ты что, уже прилетела?

– Да. Конечно!

– А что, самолет прилетел раньше?

– Нет, все по расписанию...

– Ой, тогда я опять что-то перепутала. Со мной всегда так! – хихикнула Милка. – Я еще только выезжать собиралась. Слушай, подруга, бери-ка ты такси и приезжай ко мне сама! Так быстрее будет!

– А ехать-то куда?

– Как бы тебе объяснить... – на мгновение задумалась Мила и вдруг быстро и нечленораздельно затараторила на иврите. Из всего сказанного я расслышала только нечто похожее на русское слово «яма».

– Стой, стой. Я ничего не поняла! Какая еще яма?

– Ну, скажи, что тебе нужно в Тель-Авив, в район набережной. Пусть тебя высадят рядом с отелем «Хилтон», там я тебя встречу. Живем мы неподалеку. И отель я для тебя рядом с домом сняла, недорогой, но вполне нормальный.

– Отель? – снова обалдела я, но быстро вернула себе самообладание. – Но я-то думала, я к тебе в гости еду!

– Так будет для всех удобнее, поверь. У меня небольшая квартира, дочь, к которой вечно подруги приходят. У меня тоже гости бывают. Да и ты взрослая женщина... К тому же отель со скидкой, совсем смешных денег будет тебе стоить, а завтрак уже включен в прайс.

– Ясно! – постаралась я ответить очень весело. – Уже беру такси и еду!

– Ой, как я тебя жду! – защebetала Милка как ни в чем не бывало. – Приезжай скорее! Не верю, что мы увидимся!

Я отключила мобильный, без удовольствия отметив, что мы проболтали пятнадцать минут в роуминге. Но что поделать? Я снова загрузилась своим барахлом, как ишак, и поплелась искать такси. Интересно, как тут это делается?

Наверное, я чересчур беспомощно озиралась по сторонам. Ко мне тут же подошел молодой любезный человек арабской внешности:

– Такси? Русски?

– Да! – обрадовалась я. – Такси! Такси!

– Ноу проблем! – Он уже подхватил одной рукой мой чемодан. – Ого! А куда едем?

– Набережная Тель-Авива, отель «Хилтон».

– Прекрасный отель! – Лицо таксиста мгновенно просияло и приняло почти праздничное выражение. – Едем!

Он попытался вырвать у меня из рук тяжеленный кофр с фотоаппаратурой, но я не поддалась.

– А далеко ехать? – с опаской спросила я.

– Ну... До Тель-Авива час точно будет, а там – как с пробка повезет. Ты садись в машина скорей!

Такси оказалось очень немолодой европейской машиной, я даже марки впопыхах не разглядела. Никаких особых опознавательных знаков на машине не было. Мимо проезжали нормальные такси, с табличками. Я попыталась было сделать шаг в их сторону, но расторопный араб меня притормозил.

– Эй, ты куда? Садись. У меня дешевле будет. И без очереди.

Я почему-то испугалась и подумала, что с ним лучше не спорить. К тому же по-русски говорит, разберемся в случае чего.

Прижимая к сердцу бесценный кофр, я опасливо уселась сзади и смотрела, как араб с трудом запикивает в багажник чемодан и пакеты, а вслед за ними и штатив. Радостно напевая что-то, таксист уселся за руль, врубил восточную музыку, и мы лихо стартанули.

– А мы что, не в Тель-Авиве сейчас? Тогда в каком городе? – спросила я.

– Аэропорта Бен-Гурион! – отозвался таксист и покачал головой. – Иерушалаим и Тель-Авив далеко!

Я немного струхнула. К тому же меня вдруг озарило, что я не успела поменять деньги.

– Стой! Мне обменник нужен!

– Что? – удивился он.

– Мани чейндж! У меня шекелей нет.

– Ноу проблем! – мгновенно успокоился и ощерился таксист. – Доллары?

– Да.

– О'кей! – заверил он.

– А где ты русский учил?

– Учился в Ленинград. Встречался с русски девушка! Все русски девушка красивый!

Я отвернулась к окну. Только этого еще не хватало! За окном пролетали невразумительные пейзажи. Я вдруг поняла, что мне жарко в теплой куртке и пора раздеваться. За бортом, несмотря на декабрь, было, наверное, градусов пятнадцать тепла. Время от времени приветливо помахивали резными листьями вечнозеленые пальмы. Ничего себе зима! Живут же люди!

Тель-Авив в первые минуты произвел на меня странноватое впечатление. Стеклобные небоскребы соседствовали с полуразрушенными панельными домами, к многоуровневым автомобильным развязкам прижимались узкие улочки – смешение всех возможных стилей, полная эклектика, по ощущениям немного напоминает Москву.

В глаза бросилась живописная пестрота населения: тут и мужчины в черно-белых одеждах а-ля сюртук и уже знакомых мне шляпах, и девицы с глубокими декольте, и дамочки в платках и юбках до пят! Интересно, как у них тут с модой?

Только когда мы выехали к набережной, я радостно оживилась: перед глазами успокаивающе плескалось лазурное, почти летнее море! Город как будто наступал на него своими небоскребами, а полоска пляжей казалась границей между безжизненным урбанизмом, которого мне в Москве выше крыши хватило, и ласковым южным пейзажем...

Из созерцательной задумчивости меня вывел голос водителя:

– Отель «Хилтон», – показал он пальцем на высокую бетонную коробку. – Приехали. С тебя сто пятьдесят доллар.

– Сколько?!

– Сто пятьдесят.

Водила смотрел на меня веселыми наглыми глазами. Было понятно, что меня дурят.

– Но это же дорого... – неуверенно пролепетала я.

– Надо было сначала договариваться! – тут же сменив тон, наехал он на меня. – Мы ехали долго, далеко, пробки, бензин... Да и вообще я не таксист. Надо была обычный таксист искать! Ты живешь в такой дорогой гостиница и тебе жалко сто пятьдесят доллар!

На меня обрушился колоссальный по интенсивности и громкости словесный поток. Араб кричал на незнакомых мне языках, извергая десяток слов в секунду, агрессивно жестикулировал, строил страшные рожи. У меня начала болеть голова. Я полезла в кошелек и вытащила деньги.

– Забирай! Вот тебе сто баксов. И ни баксом больше!

Араб довольно осклабился, как будто даже и не рассчитывал на такую сумму. Я, в свою очередь, мечтала только об одном: поскорее вылезти из этого такси и увидаться с Милкой. Водитель, громко пыхтя, выгрузил мои вещи и исчез, взвизгнув тормозами.

– Кариночка, дорогая! – услышала я и мгновенно оказалась в чьих-то мягких жарких объятиях. – Неужели ты? Сколько лет, сколько зим? Что-то ты долго ехала. Я тебя заждаюсь уже!

– Милка! – завопила я в ответ. – Ура! Мы нашли друг друга!

– Дай на тебя поглядеть! – расчувствовалась Милка. – Ой, какой ты куреночек! Худенькая какая, бледненькая! Не изменилась совсем, только косы отрезала!

– А ты...

Я открыла было рот и растерялась. Передо мной как монумент стояла с трудом утканная в черные блестящие бриджи рыжеволосая дородная тетя, которой я бы в жизни не дала меньше сороковника. И это моя Милка, девочка-ромашечка, школьная подружка, которая больше всего на свете терпеть не могла математику? Я диву далась такой перемене.

– Ты так прекрасно выглядишь! – наконец выпалила я.

– Спасибо, дорогая! – крутобедрая Милка поправила рыжую копну на голове. – И правда, от мужиков отбою нет.

– Понятное дело... – протянула я, все еще приходя в себя.

– Что ж мы встали-то посреди улицы! – спохватилась подруга. – Ты же устала с дороги, наверное. А тут еще я, рассеянная! Пошли скорей, заселю тебя в отель. Он тут, тоже на Тайелет Хоф А-Ям, ближе к порту. Потом и наговоримся. Мне тебе столько всего рассказать надо...

Милка легко подхватила мой чемодан и резво понеслась вперед по улице, в сторону от набережной. Я с тоской посмотрела на море, подняла кофр, пакеты с подарками и поняла, что в моем багаже чего-то не хватает.

– Блин, Мила, у меня, кажется, водитель штатив стырил!

– Штатив? – нахмурилась Милка. – Это что такое?

– Такая штука, на которую фотоаппарат ставят. Она еще вот так раздвигается, – попыталась показать я.

– Наверно, подумал, что это оружие... – флегматично заметила Милка. – А сколько ты ему заплатила?

– Сто баксов.

– Сколько? – Подруга чуть чемодан из рук не выронила и заметно побледнела даже сквозь густой южный загар и обильные румяна. – Сто?

Я кивнула.

– А что, это много?

– Да это ты ему целое состояние подарила! Еще и штатив упер, подлюга! – вскипела Милка. – Сейчас мы его разыщем! Он из какой компании был? Мы его уволим к чертовой бабушке!

– Понятия не имею... Вообще-то он сам по себе был.

– Где ты его нашла такого? – изумилась Милка. – В Бен-Гурионе нормальная станция такси, там девушки-дайелат всем талончики дают, все организовано! Потрясающе просто и быстро!

– Со мной всегда так! Коллекционирую приключения! – развела я руками. – Это не я его, а он меня нашел, сам в аэропорту подошел и так быстренько меня поехать позвал.

– Все ясно. Такие случаи у нас единичны, но ты как раз попала! Надо же! Так ты и номер машины не запомнила?

– Нет...

– Ну, пиши пропало... – взмахнув руками, расстроилась Милка. – А так бы мы на него бумагу накатали в Министерство транспорта, в полицию и в суд бы подали. Бедный бы он у нас был!

– Да ладно... – отмахнулась я. – Он вообще не таксист был, бомбила какой-то левый. Ничего страшного, впредь внимательней буду! Проехали. Это ерунда! Главное, что мы увиделись.

– И то правда! – все еще расстроено ответила Милка. – Долетела-то хоть нормально?

– Тоже с приключениями! – Я кратко изложила подруге свои мытарства в аэропорту.

– Обычное дело! – пожала плечами она. – Ты в первый раз летишь в Израиль, еще и одна. Зато «Эль-Аль» – самая безопасная авиакомпания в мире! А вот и отель, где ты будешь жить.

* * *

Мы вошли в небольшой, малопрезентабельный отель «Шалом». Стены обшарпаны, звездочки не указаны, и, войдя в лобби, я подумала, будет очень хорошо, если в нем хотя бы парочка звезд наберется. Маленьких таких.

Номер оказался уютным пеналом. Я с трудом протиснулась в него с чемоданом.

– Ну как? – радостно спросила Милка. – В тесноте – не в обиде. Зато дешево, море рядом. И я живу через квартал. Тебе же тут только ночевать надо! Ну, еще завтракать.

– Отлично! – заверила я ее с некоторым скепсисом и вручила Милке купленный в дюти-фри алкоголь. – Остальные подарки потом!

– Ладно! – кивнула Милка. – Ты принимай душ, переодевайся, приходи в себя! А я бегаю домой, проверю, как там дела. И через час за тобой зайду. Пройдемся по набережной, в ресторанчике поужинаем. Идет?

– Отлично!

Милка отправилась домой, я наконец с радостью скинула с себя свитер и джинсы и отправилась в душ. Кое-как одолев смеситель, выяснила, что вода из крана течет или очень холодная, или очень горячая. Других вариантов не было. Я сполоснулась холодной на скорую руку, вытерлась полотенцем не первой свежести и быстро распаковала чемодан. Что у меня есть для вечерней прогулки и похода в ресторан? Я вытащила длинное трикотажное платье с разрезом до середины бедра, накинула шерстяную шаль и слегка подкрасилась. Вроде бы нормально.

Когда я спустилась, портье об меня чуть глаза не сломал, а Милка даже по телефону говорить перестала. Она была одета так же, как и днем: в непонятного вида обтягивающих бриджах и серой бесформенной хламиде.

– Я готова! – весело произнесла я.

– Ну ты и вырядилась!

– А что?

– Вообще-то тут так никто не ходит. Ну, только в исключительных случаях... Все прохожие будут знать, что ты только что из России.

– Почему это?

– Только ваши тут так наряжаются!

– Но это последний тренд сезона! – обиженно сказала я.

– Не знаю я, какие там у вас тренды. А у нас все по-другому!

– Ничего страшного, прохожих переживем! А потом я пригляжусь, как у вас одеваются, ладно? А сейчас идем, не терпится по вечерней столице пройтись. – Я взяла Милку под руку, и мы вышли из отеля. – Может, расскажешь, где мы находимся?

– Это Тайелет Хоф А-Ям, знаменитая прогулочная зона Тель-Авива. Тут все лучшие отели стоят. Влево – пляжи, вправо – порт. К югу – старый Яффа, откуда все начиналось. Мы с тобой сейчас к порту направляемся. Там самые хорошие рыбные ресторанчики.

На набережной было прохладно и довольно пустынно. В ресторанчиках тоже было немногочисленно. Мне приглянулся один, у которого, несмотря на зиму, работала открытая веранда.

– Хочешь сесть здесь? – искренне изумилась Милка.

– Да. Воздух, море, закат... Благодать! А в Москве, между прочим, мороз минус двадцать и все в снегу!

– Но здесь же холодно! Все нормальные люди сидят в ресторане, внутри. Хотя, как скажешь... – сдалась она. – Просто ты приехала не в самое лучшее время: у нас зима, дожди, вечера вот холодные.

– Да все замечательно! А виды какие потрясающие! – Я уже представила, как завтра в это же время приду сюда с фотоаппаратом.

– Да так, ничего особенного, – оглядевшись, пожала Мила плечами, – давай будем заказывать.

Пока мы изучали меню, нам принесли громадных размеров лепешки и большое блюдо с несколькими тарелочками, в которых были оливки, маслины и какая-то разноцветная жижа.

– Это что еще такое? – опасливо принялась я.

– Тут хумус, тут тхина! – сообщила Милка. – Смотри, как это едят.

Она отломилась добрую половину лепешки, глубоко окунула ее в одну из тарелочек и смачно откусила здоровенный кусок.

– Ммм... вкуснятина! Пробуй!

Я для начала взяла небольшой кусочек лепешки и по чуть-чуть попробовала того и другого.

– И как? – продолжая с аппетитом жевать, спросила Милка.

– Ну... есть можно, – смущенно пожала плечами я.

– Мне сначала тоже не нравилось! – доверительно сказала подруга. – А потом втянулась. Теперь ужин без хумуса – и не ужин уже. Хотя вот за последние годы двадцать пять лишних кило набрала. Тут это называют хумусной задницей. Все пытаюсь худеть, но куда там! У нас еда – национальный вид спорта! Израильтян еще мангалоидами называют.

– А почему это монголоидами? – впала в ступор я, тщетно пытаюсь припомнить что-то из антропологии.

– А потому, что жизнь без мангала и шашлыка для израильянина – не жизнь вовсе! – расхохоталась Мила.

Продолжая уплетать лепешки и подтверждая только что сказанное, она заказала себе мясо на гриле. Я решила попробовать креветки. Запить все это дело мы решили вином.

Когда была опустошена первая бутылка и съедены все лепешки, наконец принесли горячее. Порции были просто невероятных размеров!

– Вот, всегда тут так! – вытирая губы, печально сообщила подруга. – Сначала хумуса с лепешками наешься, а потом нормальную еду несут. И есть уже вроде бы не хочется, и оставлять жалко. Вот и приходится напрягаться... Так тяжело порой бывает, но куда деваться?

– Ты о себе расскажи, как ты тут живешь, как привыкла? – попросила я. Выпитый алкоголь располагал к приятной душевной беседе. В воздухе остро пахло рыбой и морем.

– Да все нормально сложилось. Приехали, жили сначала в кибуце, как новые репатрианты, язык в ульпане учили. Потом я в армии была...

– И как тебе это далось?

– Сначала не очень легко, конечно, потом привыкаешь. Тут все служат. Вот у дочери моей, Даны, подружка старшая, соседка наша Сонька, сейчас как раз на курсах молодого бойца. Познакомлю вас завтра, она приехать должна на выходные. Поболтай с ней – она тебе все расскажет. Курс молодого бойца – в армии самое сложное. Проходишь его – потом уже все проще становится.

– А училась ты где?

– Закончила специальные курсы, работала медсестрой. Чтобы медицинское образование получить, деньги нужны. А их не было... Родители тоже по специальности работу не нашли, да и с языком проблемы были, перебивались, как могли. Сейчас они на пенсии.

– Но они же у тебя в России вроде оба инженеры с хорошей работой были!

– Знаешь, сколько тут таких советских инженеров! – махнула рукой Милка и закурила. – Для многих работать кассиром в магазине – большое счастье. Пройтись очень трудно.

– А личная жизнь?

– По-всякому было. Познакомилась на пляже в Натании с Дороном, он коренной израильтянин – в третьем поколении. Хотя бабка тоже с Украины была, из Умани. Вышла за него замуж, в девятнадцать лет Данку родила...

– А что муж?

– А ничего, обьелся груш. Пять лет назад разошлись. Все-таки тяжело с ними, с сабрами, жить. И скучно. Мне какого-то движения хотелось, а Дорону ничего не надо было, все деньги экономил. Это тут тоже национальное хобби. Хотя мы бизнесок тут раскрутили, и не один, у него с приданым от родственников и так все в порядке было – они недвижимостью занимались. Но каким же он оказался жутким жмотом, ты бы знала! Мы с ним за границей в путешествии даже ни разу не были, он считал, это лишние траты. В общем, развелись мы по согласию, слава богу, осталась мне квартира в Тель-Авиве и небольшая турфирма. Так я ею одна занималась все последние годы, дела хорошо пошли, теперь у меня туристов – лом. Особенно из России. С каждым годом – все больше! Кстати, хочешь завтра на экскурсию поехать? – вдруг хлопнула себя по лбу Милка. – У меня VIP-группа в Иерусалим едет, всего четыре человека, а автобус – на шестнадцать.

– Конечно, хочу!

– Замечательно. К тому же поедет мой лучший экскурсовод, Шмуэль, между своими отзывается на Шмуль или Шмулик. Он тут уже лет тридцать живет, все знает. Очень умный и рассказывает хорошо, только стеснительный очень. Не обращай внимания!

– А ты сама не поедешь?

– Нет, – отрицательно покачала головой подруга. – Не люблю я Иерусалим, если честно. Мне мой Тель-Авив больше по душе. Молодой, в нем всегда кипит жизнь. Пусть снобы и говорят, что это город израильского порока, выросший вокруг кладбища, в котором нет истории... Мне дела до таких разговоров нет. Знаешь, как я люблю эти улочки, пабы, ресторанчики!..

– А как же Иерусалим, вечный город?

– А что Иерусалим? Чувствую себя пришибленной, скованной, чужой. Это же религиозный центр, святыня трех религий, я все понимаю. Город, где жил царь Давид, царем Соломоном был построен Храм и все такое. Но я не очень-то религиозный человек. Если честно,

мне все это музей напоминает, мозг грузит. Это странно, – Милка вплотную приблизилась ко мне и, дохнув перегаром, сказала шепотом: – Там даже машины как-то по-другому водят, более тормознuto. Я люблю Тель-Авив, его свободу, суету улицы Шенкин, автобусную станцию Арлозоров, вывески, бурные ночи в шумных кафе. Такая я, грешница. Ты знаешь, как переводится «Тель-Авив»?

– Нет! – подняла брови я. – И как же?

– «Весенний холм»! Это город, полный жизни, любви, движения. У нас говорят, по жилам жителей Тель-Авива вместо крови течет адреналин. Мне это нравится! А Иерусалим – застывший призрак истории. К тому же иерусалимцы – все снобы, они нас презирают.

– Интересно, – протянула я. – У нас в России противопоставляют обычно Москву и Питер. А тут тоже свое соперничество городов. А как в Иерусалим одеваться надо?

– Ну ты даешь, Каринка. Скажи еще, тебя правда мода беспокоит? – Хорошо уже поддтая Милка расхохоталась.

– Ага... – Я попыталась наконец-то поведать о наболевшем.

– Да, впрочем. Я же читала! Ты в глянце работаешь, фото моделей делаешь, – опять хлопнула себя эмоционально по лбу Милка. – У нас тут в Израиле своя мода. Точнее, ее полное отсутствие. Каждый ходит как хочет, полная свобода! Хотя Иерусалим – особая песня. Там и одеваются иначе. Строже, что ли. С голыми плечами нельзя, в шортах тоже!

– А брендовые шмотки носят?

– Да ты что! – презрительно хихикнула Милка. – У нас таких модников сразу фраерами называют. Никто не хочет быть фраером. Фраер – это тот, кто платит много за то, что на другом углу можно купить лучше и дешевле.

– А у нас как раз в этом главный смысл! – Я рассказала Милке анекдот про спор о том, чей галстук дороже. Она хохотала до слез.

– Есть же придурки! В Тель-Авиве на площади Государства в бутиках в основном русские отовариваются. Или откровенные фраера. А ты, извини, выглядишь тут как полная идиотка в своем наряде. Видишь, даже официанты над тобой смеются? Нам надо тебя переодеть!

– Может, в другой раз? – спросила я неуверенно. – Мы выпили... Уже поздно.

– И что? Сейчас поедем с тобой на улицу Шенкин, приоденем тебя нормально. Можно было бы и на Дизенгоф рвануть, там в торговом центре тоже иногда интересные вещишки попадают, или на рынок в Неве-Цедек, но уже поздно...

– Это вообще-то «Ферре», – обиженно показала я на платье, которое было моей гордостью.

– Ничего не знаю, надо тебя нормально одеть, как настоящую израильянку!

– Можно зеленого чая? – спросила я у официанта. Тот удивленно посмотрел на меня, потом на Милку, они что-то живо обсудили, как будто я попросила филе инопланетянина.

– А какой это зеленый чай ты хочешь? – спросила она. – С травой, что ли? С мятой?

– Да нет, обычный, зеленый. Можно с жасмином. Моя подруга и официант еще о чем-то довольно эмоционально говорили минут пять. Потом он ушел и вернулся с чашкой, в которой плавало несколько зеленых листьев мяты и пакетик-утопленник с черным чаем.

Удивлению моему предела не было.

– Пей что дают! – ответила Милка на мой незаданный вопрос. – А я вот диетическую колу буду. Надо как-то фигуру соблюдать, калории считать... И поторопись, мы едем на Шенкин!

Я поняла, что с подвыпившей Милкой спорить бесполезно. К тому же мне хотелось повнимательней присмотреться к местной моде.

– Ладно, едем. Можно, я заплачу за ужин? Милка для виду поломалась, но с нескрываемой радостью разрешила. Мы поймали такси и поехали покупать мне одежду.

– Видишь, в нормальных такси можно сразу согласовать цену, – сказала мне Милка. – Или попросить включить счетчик. Тогда точно никаких проблем не будет!

– И что, у вас женщины водителями работают? – удивилась я, увидев за рулем лихую дамочку средних лет.

– Да полно! Ничего особенного. Я так как-то и привыкла уже, внимания не обращаю.

– А что это за улица, куда мы едем?

– Шенкин? – переспросила Милка и глаза ее задорно блеснули. – Когда-то там жили еврей-ортодоксы. А сейчас – это одно из самых веселых мест нашего города!

– А что значит «Шенкин»? Перевод есть?

– Кажется, был такой политик, сионистский деятель с трагической судьбой, Менахем Шенкин, только не вспомню точно сейчас... – неуверенно сказала Милка. – Улицу в его честь назвали. Да какая тебе разница! Все, приехали!

Она рассчиталась с таксисткой, и мы вышли из машины. Уже стемнело, и кругом зажглись яркие неоновые огни.

– Я считаю, тут лучшие бутики во всем Тель-Авиве! – заявила Милка. – У местных модельеров нет раскрученных имен, но вещи – классные. Все в одном экземпляре. Давай заходить и смотреть!

– Это Поль Готье? – спросила я, увидев знакомую модель. – Ой, нет, это что-то местное, но дизайн – один в один! Правда, шовчик кривоват и строчка подгуляла...

– Зато стоит сто шекелей. Меньше тридцати долларов. Не то что твой Ферре! Подходит?

– Еще как!

Я просто не верила своим глазам. Ультрамодная Лола умрет от зависти! Надо ей потом тоже будет что-то приобрести, в том же духе. Вряд ли сразу догадается, что паленка.

В этом бутике мы купили мне кофточку и авангардные штаны. В следующем – несколько футболок и джинсы. Пакеты множились, настроение улучшалось. В последнем бутике я сняла наконец вечернее платье и туфли, переодевшись в новую кофту типа «капуста», широкие штаны и кроссовки.

– Это уникальная одежда! В одном экземпляре, – наперебой уверяли продавцы.

Почему-то мне хотелось им верить. Кажется, я тоже начала входить в бесшабашный ритм Тель-Авива.

– Вот, теперь немного на человека похожа! – удовлетворенно сообщила мне Милка, разглядывая меня. – Хотя тебя не мешает откормить! Гляди, груди совсем нет! Пошли в кафе!

– Да мы вроде ужинали недавно... – засомневалась я.

– Пошли-пошли. Посидим в кафе. На Шенкин надо обязательно посидеть в кафе!

Мы вошли в один из ярко подсвеченных баров и сели за столик.

– Еще вина? – спросила Милка.

– Почему нет? Кстати, тут все так пьют?

– Еще хлеще! А курят и вообще все поголовно. Правда, теперь штрафы большие ввели за курение в общественных местах, причем штрафуют и курильщиков, и хозяев – они это дело блюдут. Неудобно очень всем нормальным людям! – сказала подруга. – Кроме религиозных, конечно. Им нельзя ни пить, ни курить. А нам, простым девушкам, надо обмыть покупки!

– А ты права, – сказала я, прихлебывая вино, – на Шенкин есть очень интересные вещи.

– А то! – довольная собой, закивала Милка. – Это тебе не какая-нибудь Кикар-а Медина, площадь Государства! А если бы мы сюда днем пришли, во вторник или пятницу! На пересечении Шенкин и Алленби, вон за тем перекрестком, начинается улица Нахалат Биньямин. Какой там рынок бывает! Можно почти задаром купить уникальные вещи. Очень рекомендую.

– Винтаж есть?

– Вина у нас везде полно, и винтажного, и другого разного!

– Я не о том... Как бы тебе объяснить... – Я постаралась скрыть улыбку. – Короче, блошинные рынки, как во Франции, в Израиле есть?

– Обижает! Конечно! Надо поехать в Яффу. Там за бесценно можно купить все, что хочешь, если ты что-то в этом понимаешь. А то возьмут втридорога, с наших людей станется!

В этот момент в бар зашел интереснейший персонаж. Его пол я смогла определить не сразу. Несмотря на мини-юбку, белокурые локоны парика и пышно вздымающуюся грудь, он был больше похож на мужчину, чем на женщину. Лет ему было что-то около пятидесяти, хотя густая штукатурка явно была призвана закамouflировать возраст.

– Мила! – бросилось оно на шею моей подруги.

– Нехамочка! Дорогая!

Последовала долгая сцена трогательных объятий. Моя подруга поболтала с персонажем о чем-то на иврите и снова весело расцеловалась с ним на прощание. Он уселся за столик в углу, где уже сидело человек пять.

– Что это было? – спросила я.

– О! Местная достопримечательность! – переходя на шепот, сказала Милка. – Просто она по-русски хорошо понимает.

– Это все-таки она?

– Да. В прошлом он, правда. Был одним из первых, кто в Израиле операцию по смене пола сделал.

Сейчас лидер движения геев и транссексуалов. Вон глянь, они там за столиком все такие... С ними еще Рони – лидер движения местных нудистов.

– И что, много у вас таких, как Нехама?

– Полно! – кивнула Милка. – У нас свободная страна, люди делают что хотят. Про Дану Интернешнл слышала?

– Конечно! Помню «Евровидение»... А потом Филипп ту знаменитую песню на русском перепел!

– Так вот и это наша легенда! Победа израильского таланта над предрассудками. Каждый год они в Тель-Авиве парады любви проводят. Прикольное зрелище! Меня всегда посмотреть приглашают. А что плохого? Люди собираются на площади Ицхака Рабина, потом идут в парк Аярон на митинг, проходят по городу. Поют, танцуют, все яркие, кто в трусах, кто в костюмах, прикольные такие чудики! В прошлый раз танк в розовый цвет покрасили, все чуть со смеху не поумирали!

– И как к этому ваши власти относятся? – спросила я. – У нас вот мэр Москвы категорически против гей-парадов возражает!

– Это неправильно! – погрозила в пространство пальцем изрядно захмелевшая подруга. – Ущемление прав человека! Вот наш мэр и депутаты кнессета речи перед ними на парадах произносят. Даже в Иерусалиме один раз парад проходил. Ничего плохого в этом не вижу! Для них есть клубы и бары специальные, но нет ничего страшного, если они и в других местах тусуются, – они же обычные люди! Просто другие немного... Еще у нас сексиваль проходит, против этого тоже никто особо не возражает.

– А это что такое?

– Все, что есть в сексе в последнее время! – рассмеялась подруга. – Последние новинки стриптизклубов, секс-шопов и все такое. Занятно, ничего не скажешь. Я там такое белье купила, уму непостижимо!

– А в париках у вас тут только представители меньшинств ходят? – спросила я, глаза на Нехаму и ее приятелей. – Или обычные женщины тоже их носят?

– Ну что ты! – захохотала Милка, сгибаясь пополам. – Ты только это вслух нигде не скажи! В первую очередь все религиозные женщины обязаны носить парики, чтобы не смущать мужчин видом своих волос, демонстрируя это свое богатство лишь супругу.

– А разве париком нельзя смутить? – с сомнением спросила я и снова уставилась на платиновую блондинку Нехаму.

– Считается, что нет. Волосы религиозной еврейки могут быть распущенными только в чрезвычайных ситуациях! Многие женщины вообще бреются наголо и всю жизнь носят парики. Поэтому Израиль – крупнейший покупатель натуральных волос по всему миру. Это целая многомиллионная индустрия! Так что, если ты видишь в Москве объявления, что покупают волосы, с большой вероятностью – это в Израиль! При этом раввины постановили, что, например, волосы индийских женщин для этих целей не кошерны.

– Это еще почему?

– А потому, что индуски сдают свои волосы языческому богу Вишне, в одном из крупнейших храмов Индии. Это не может считаться правильным по еврейским законам. Теперь бедные еврейки жгут парики из натуральных волос и переходят на искусственные...

В этот момент у Милки зазвонил мобильный. Она заворковала на иврите, а я засмотрелась в окно, где в ярких вспышках рекламных огней продолжалась ночная жизнь веселой улицы Шенкин. Сидя здесь, в компании с разбитными девицами, раскрашенными транссексуалами и заводными юнцами, никогда не поверишь, что ты находишься в религиозном государстве. Которое к тому же все время вынуждено себя защищать.

– А что это у тебя на шее? – спросила я, показав на шестиконечную звезду. Меня давно занимал этот вопрос.

– Маген Давид, щит Давида, – ответила Милка, нежно погладив кулон.

– А что он означает?

– Точно не знаю. Наш символ. И защита от сглаза... – ответила она. – Давай лучше еще выпьем!

– Давай!

Улица Шенкин мне определенно нравилась.

По библейским местам

Ровно в пять тридцать утра я проснулась от телефонного звонка. Голова еще была очень тяжелой от выпивки и бурного дня накануне.

– Здравствуйте! – услышала я немного смущенный мужской голос. – Это Шмуль, ваш экскурсовод. Вы сегодня едете с нами в Иерусалим, сказала мне Мила. Я должен вас забрать и буду у отеля через пятнадцать минут. Не забудьте теплые вещи, в Иерусалиме зимой всегда холодно.

– Прекрасно! Я уже готова!

Я вскочила с кровати. После вчерашних поздних посиделок больше всего хотелось просто отоспаться. Да и не привыкла я к таким ранним подъемам. Я быстро влезла в новые джинсы, натянула кофточку с рукавом, прихватила куртку – Мила предупреждала, что в Иерусалим нужно одеваться именно так, – и повесила кофр на плечо. Меня встретил застенчивый лысеющий человек с печальными карими глазами.

– Я – Шмуль, ваш гид, – представился он и сразу покраснел. – Живу в Тель-Авиве.

– А я – Карина. Из Москвы.

– Очень приятно. Сейчас мы с вами проедем в старую Яффу, чтобы забрать остальных туристов.

Шмуль усадил меня в микроавтобус.

– В первый раз в Израиле? – спросил он.

– Да.

– Понравился Тель-Авив?

– В принципе да, хотя я еще немного видела. Живой город, столица, веселая ночная жизнь. Непривычно все: люди, архитектура... Так хочется поскорее увидеть Иерусалим. Говорят, это очень разные города.

– Увидите – сами для себя решите. Ведь «Белый город» в Тель-Авиве тоже неповторим! А сейчас мы поедем через старую Яффу, я покажу вам несколько любопытных мест.

– Это будет замечательно! Яффа – это соседний городок?

– Нет, это старейшая часть Тель-Авива, город официально так и называется – Тель-Авив – Яффа. Совсем недавно на месте нынешнего Тель-Авива были лишь пустыня и холмы! Сейчас трудно представить, что этому городу скоро сто лет исполнится!

– А на «ты» можно?

– Можно... – Мне показалось, что Шмуль снова густо покраснел. – Мы тут в Израиле люди простые, всегда на «ты» разговариваем, но русские на это по-разному реагируют, особенно VIP-туристы. Им кажется, что это проявление не демократизма в общении, а неуважения. Вот и перестраховываемся.

– Понятно! – улыбнулась я.

– Смотри, это уже Яффа! Отсюда пошел Тель-Авив! У нас есть минут двадцать, да и туристы все равно опоздают, я с ними уже несколько дней езжу. Хочешь, пройдемся немного? Рассвет в Яффе уже много тысячелетий очень романтичный.

– Отлично! – Я с удивлением взглянула на Шмуля, быстро открыла кофр и извлекла фотоаппарат. – Идем!

Мы вышли на мощеную пешеходную улочку, вдоль которой лепились почти игрушечные старые дома. Занимающийся рассвет окрашивал стены и арки в неповторимые бледно-розовые оттенки. То и дело я останавливалась и щелкала затвором фотоаппарата.

– Ты рассказывай, не обращай на меня внимания. Я буду снимать и слушать тебя. Грех пропустить такой рассвет!

– Ты фотограф?

– Да. Но раньше мне казалось, что я могу снимать только моделей, показы и бутики, а пейзажи и бытовые зарисовки – не мое призвание. А сейчас мне вдруг захотелось поснимать этот город, его порт и улочки. Красиво, необычно!

– Хорошо... Смотри, в Яффе нет никакого пафоса, но есть история, которой много тысяч лет, это один из древнейших сохранившихся городов мира. В каждом камне – легенда. Говорят, Ной именно здесь ковчег построил, отсюда пророк Иона отправился в свое опасное путешествие. В доме Симеона-кожевника находился в заключении, получал откровения и совершал чудеса апостол Петр, которого, кстати, католическая традиция считает первозванным. А само название города, по легенде, связано с именем одного из сыновей Ноя – Яфета. Говорят, именно здесь прекрасную Андромеду, предназначенную в жертву чудовищу, приковали к скале. А потом, как известно, ее спас Персей. Хотя я лично думаю, что название все же происходит от ивритского «яффа» – красавица. Есть и другие варианты. Например, очень романтичный: через сорок лет после Всемирного потопа город основала Иоппа, дочь бога ветра Эола. Это версия Плиния.

– А Яффа всегда была еврейским городом? – спросила я, не отрываясь от объектива.

– Да что ты! – сокрушенно взмахнул рукой Шмуль. – В Израиле каждый клочок земли, от Эйлата до Голан, много раз переходил из рук в руки. Так и Яффа: город завоевывали египтяне, филистимляне, финикийцы, арабы, потом крестоносцы, потом турки... Эти мостовые помнят поступь солдат Наполеона! Особенно легендарен порт Яффа. Говорят, именно через него в бытность царя Соломона сплавлялись ливанские кедры для строительства первого Храма. И многочисленные паломники, и первые переселенцы когда-то на Святую землю именно через порт Яффа попадали. Историческое место! Лишь при Маккавеях оно стало еврейским, превратилось в торговый центр. Хотя и сейчас тут живут много арабов.

Я отстранилась от фотоаппарата и взглянула на Шмуля с интересом.

– Ты что, серьезно считаешь, что у библейских легенд были реальные исторические корни? Это не вымысел историков и политиков?

– Я не считаю, я просто уверен в этом! – убежденно заявил Шмуль. – Израиль – это магический кристалл истории. Только загляни в него – и поплывут воспоминания тысячелетий, отражаясь в настоящем времени, перетекая в будущее! Например, я знаю точно, что мой род восходит к первосвященнику Аарону. Мы из колена левитов – единственного, пожалуй, еврейского колена, которое хранит сегодня ясную родовую память.

– А куда делись другие колена? Их же, кажется, двенадцать было? – заинтересовалась я. – И откуда у тебя такая уверенность, что лично ты от Аарона производишь?

– Колена Иуды и Вениамина считаются предками современных евреев. Что случилось с остальными коленами Израилевыми – тема отдельных исследований. Споры не прекращаются уже много столетий. Пропавшие колена ищут в Афганистане, на Аравийском полуострове, в Иране, Индии, Армении, Северной Америке, даже в Японии и России, – вздохнул гид. – И находят массу подтверждений своим гипотезам, что характерно! На мой взгляд, все было довольно банально. Со временем более сильные колена ассимилировали слабые. Великое рас-seяние и ассимиляция с другими народами – вот что на самом деле с десятью коленами случилось! А колен было не двенадцать, а тринадцать, просто колено потомков сына Иакова Левия – левитов было вынесено за рамки, как род священников, не подлежавших военной службе и не имевших земельных наделов. Моя фамилия – Коэн. В России она звучала как Коган.

– А Коган и Коэн разве одно и то же?

– Да, по сути. Коган, Каган, Каганович и, ты удивишься, Кац, Кан – тоже однокоренные фамилии. Знаменитая в России роковая женщина Лиля Брик, в девичестве Каган, – моя очень дальняя родственница. Ее, кстати, выдали замуж за еще одного представителя древнего рода Коэнов – Осипа Брика.

– Вот это новости! Лиля Брик – из рода первосвященников! – присвистнула я. – А я и представить себе такого не могла! Не стыкуется одно с другим, ну никак!

– У моей фамилии вообще интересная история. Как я тебе уже сказал, мы прямые потомки первосвященника Аарона, брата Моисея, который стал первым священнослужителем по велению Всевышнего. Дальше священнослужителями в Израиле становились потомки Аарона и его сыновей.

– То есть ты тоже можешь при желании стать священником?

– Нет! – покачал головой Шмуль. – Для этого нужно соблюдать слишком много правил. Козн, например, должен жениться только на еврейке по рождению, ему нельзя бывать на кладбищах и прикасаться к мертвецам, нужно строго соблюдать все еврейские законы, быть чистым, стремиться к святости. Это точно не мой случай. Хотя одна моя старая тетка, Эстер Козн, говорила, что все равно в нашем роду в поколениях передается нечто особенное. Она вот ясновидящей слыла... Да и много других выдающихся людей среди моих родственников было. Я думаю, в этом правда что-то есть.

– А исторические доказательства того, что ты рассказываешь, существуют? – все еще сомневалась я. Шмуль показался мне натурой увлекающейся и чересчур романтической.

– Конечно! Ты поживешь немного в Израиле и перестанешь задавать, честно говоря, такие дурацкие вопросы о необходимости доказательств. Это ваш европейский аналитический ум их требует. А мы стараемся жить не только рассудком, но и сердцем. Хотя вокруг нас и доказательств предостаточно. В Торе много намеков и иносказаний, естественно, полностью она открывается только великим мудрецам, но от исторических подтверждений описанного в великой книге никуда не деться. Есть и прямые исторические свидетельства.

– А кто сегодня живет в Яффе? – спросила я, разглядывая выющиеся вверх и вниз переулки.

– Сейчас здесь в основном богема обитает, много художников. Место с особой творческой энергетикой, так они сами говорят. Работается здесь хорошо. Стоит заглянуть на местные блошинные рынки, просто посидеть в кафе, поболтать вечером с рыбаками в порту. Впечатления – удивительные! А кто ты по знаку зодиака?

– Весы! Вечный поиск покоя и невозможность его обрести! – рассмеялась я. – А что? Евреи разве признают гороскопы?

– Ну, отношение к ним неоднозначное, конечно... Но я слышал, многие каббалисты астрологию воспринимают вполне серьезно. И раньше так тоже было. То, что я тебе покажу, – живое напоминание о том, что звезды связаны с людьми! – Шмуль быстро повел меня по узким улочкам и наконец произнес торжествующе: – Это здесь! Загадывай желание! Мы на улице, посвященной Весам!

– А что, в Яффе есть улицы всех знаков зодиака? – удивилась я, глядя на стену дома со знаком Весов.

– Да, представь себе! Говорят, у тех, кто тут впервые, желания всегда исполняются. Так что поторопись. И надо двигаться дальше – нам пора забирать туристов!

Я загадала желание и посмотрела на каменистые лабиринты улочек старого города Яффа. Не зря приехали – фотографии должны получиться замечательные.

* * *

Мы подъехали к отелю, и к нам присоединились несколько туристов – ярко раскрашенная дама лет сорока пяти, весом не менее центнера, при ней тщедушный нервный супруг, зевающий розовощекий отрок, которому, очевидно, все было по барабану, и энергичная бабулька с перманентом – собственно группа, для которой Шмуль должен был проводить экскурсию в Иерусалиме.

– Это кто еще? – спросила хабалистого вида объемная тетка с массивным крестом на груди, которую Шмуль назвал Ритой. – Что она тут делает?

– Это Карина, фотограф, она готовит буклет для нашего агентства, – после минутной заминки нашелся Шмуль.

– А, ну ладно. А то я подумала, вдруг кто на хаяву едет за наши кровные.

– Нет-нет! – замотал головой Шмуль. – Наоборот, она увековечит в фотографиях наше путешествие.

– Кто как, а я спать, – объявила Рита. – Ты классный мужик, Шмулик, но сейчас нас своими рассказами не отвлекай. До Иерусалима – качественно отдыхаем.

Семейка разбрелась по микроавтобусу и завалилась спать. Только энергичная бабулька уселась, открыла зеркальце и принялась наводить марафет.

– Сложная группа, – шепотом сказал мне Шмуль. – Миллионеры из Сургута. Рита не работает, но в семье она всем заправляет. В это трудно поверить, ее муж Сергей – нефтяной магнат, но слова ей поперек сказать не может. А мать Риты, Тамара Ивановна, в прошлом – партийный работник. Сын Риты, Ромка, – полный оболтус. Хотят все увидеть, но слушать ничего не желают. При этом огромные деньги за экскурсии платят, а еще большие чаевые дают. Мне даже неудобно бывает.

– Шмуль, Мила сказала, ты давно живешь в Израиле. Как ты себя здесь чувствуешь?

– Да хорошо в целом. Я приехал, когда еще ребенком был, бармицва уже тут происходила. Привык!

– А по-русски замечательно говоришь – правильно и образно! Не все москвичи так рассказывают!

– У меня просто мать – преподаватель русского языка, а отец – историк. Настоящая русская интеллигенция. Так все и сложилось, – застенялся Шмуль.

– А в России бывал потом?

– Да, два раза, в Москве и в Питере, а еще на родине, в Саратове. Там все чужое, непривычное. Хотя здесь тоже скучно бывает. Говорят, русская душа – это диагноз... Я на себе это чувствую, несмотря на то что вырос в Израиле. Впрочем, хватит об этом. Я же экскурсовод! Мы сейчас едем по шоссе № 1. В Израиле интересная система нумерации трасс: дороги с нечетными номерами – направление восток – запад – восток, всегда идут перпендикулярно морю. Четные магистрали идут параллельно морю в направлении север – юг – север.

– А это кто еще такие? – изумилась я, поглядев в окно, и схватилась за фотоаппарат. – Притормози, пожалуйста!

Вдоль дороги стояли колоритнейшие пейсатые евреи в шляпах, размахивая флагами и портретами седого бородатого мужика. Они что-то вразнобой довольно громко голосили. Рядом стояла машина, у которой на крыше было установлено непонятного назначения сооружение, похожее на традиционный еврейский семисвечник, но отчего-то с восемью свечами.

– Это хабадники, у них тут поселение рядом.

– Хабадники? Какое смешное словечко, однако! Что означает?

– Хабад – религиозное направление хасидизма, основанное на понимании и познании Создателя с помощью трех интеллектуальных качеств: Хохма (Разум), Бина (Понимание) и Даат (Знание). Первые буквы этих трех слов на иврите составляют аббревиатуру ХаБаД. В иврите многие слова так образуются. Идеологи движения ХаБаД – ребе Любавичские. От остальных евреев хабадники отличаются тем, что ждут не просто Машиаха, как все мы, а весьма конкретного. Они считают Машиахом не так давно отошедшего Любавичского ребе, ты его на фото видишь. Сейчас Хану-ка, вот они и ждут своего мессию, вдруг придет.

– А флагами-то зачем махать?

– Чтобы Машиах вдруг по рассеянности мимо не прошел! А если серьезно – их община владеет приличным куском земли неподалеку от аэропорта, так они там выстроили точную

копию дома, в котором Любавичский ребе в Нью-Йорке жил. Чтобы, когда он вернется, он все узнал и к новой жизни в старых обстоятельствах привыкал быстрее.

– Чудеса! – рассмеялась я.

– А ржать потише можно? – раздался сзади громкий недовольный голос Риты.

Мы переглянулись и перешли на шепот. Милка была права: Шмуль оказался интересным гидом. Он рассказал мне про Аялонскую долину и Иисуса Навина, древнюю Лиду, «виноградный городок», ныне арабский, Абу-Гош...

– В стороне остается городок Кирьят Яарим, где был дворец царя Давида. Говорят, именно там он подглядывал за купающейся Вирсавией, мужа которой, Урию, отправил на верную гибель, чтобы самому жениться на красотке. От этого брака родился царь Соломон, построивший Первый храм. А еще там хранился ковчег Завета...

– Подожди! – перебила я. – Но я только про Ноев ковчег слышала. И читала еще, что его так и не нашли, хотя искали на Арарате. При чем тут тогда Кирьят Яарим?

– Это два разных ковчега! – оживился Шмуль. – Ковчег Ноя – это построенный руками праведника корабль, на котором Всевышний спас его семью и еще каждой твари по паре. А ковчег Завета – это арон, специальный ларь, в святая святых скинии и Первого храма, в котором хранились скрижали Завета, первого – разбитого и второго – целого. Возможно, там было и имя Бога... Рядом хранился свиток Торы, написанный самим Моисеем! А также сосуд с манной небесной, расцветший жезл Аарона и многие другие древние еврейские святыни. Это место было под покровительством Всевышнего и овеяно Шехиной, поэтому входить туда можно было только первосвященнику, да и то раз в году в Иом-кипур. Ковчег был установлен на специальном камне, называемом краеугольным. По преданию, ковчег мог издавать звуки и метать молнии!

Между ангелами с распростертыми крыльями возникал глас Божий.

– Слушай, все хочу спросить, даже неудобно как-то... – помялась я. – Кстати, о Моисее. Почему его везде с рогами рисуют? Он что, такой рогоносец был?

– Моисей с рогами? – рассмеялся Шмуль. – Ты юмористка, однако! Это вовсе не рога! Это лучи, вроде ауры. Моисей был действительно святым человеком, праведником. Поэтому ему и передал Господь заповеди.

– А как выглядел этот ковчег, где они хранились? Есть какие-то идеи?

– Он был сооружен по точным указаниям Бога, которые были даны Моисею. Говорят, даже чертежи были! Открой Тору, не ленись, посмотри, там есть весьма подробные описания. Ковчег служил вещественным доказательством связи между Всевышним и народом Израиля. В ковчеге была такая сила, что от приближения к нему люди воспалялись! Прикасаться к нему было смертельно опасно.

– А как же его переносили с места на место? Ведь Моисей евреев через пустыню вел к Земле обетованной после того, как получил заповеди? – наморщила я лоб, припоминая.

– Переносили ковчег после специальной молитвы только потомки Левия, то есть выходцы из колена левитов. Его тщательно укрывали от посторонних глаз. Во время стоянок устанавливали в центре. Над ним всегда висело облако как символ высшего присутствия. Несколько раз ковчег захватывали враги Израилевы. Каждый раз у захватчиков были огромные проблемы...

Я примолкла, переваривая услышанное. Все для меня было совершенно новым! Время в пути пролетело незаметно! Шмуль мне понравился. В отличие от большинства известных мне мужчин, с ним было очень интересно.

– А сейчас, Карина, – гид перешел на серьезный, даже торжественный тон, – мы на подъезде к Иерусалиму, городу, история которого насчитывает более трех с половиной тысяч лет. Кстати, в Израиле говорят, что спускаются к югу, поднимаются – к северу, а в Иерусалим – всегда поднимаются, неважно, в каком географическом направлении едут. И из него – всегда спускаются. В Торе город упоминается впервые под именем Шалем... Здесь правили легендар-

ные цари, Иерусалим завоевывал Александр Македонский и Селевкиды, а вслед за ними тут были посланники Древнего Рима, Византии, а также арабы, сельджуки, рыцари-крестоносцы...

Я вновь схватилась за фотоаппарат, ожидая после слов Шмулика увидеть нечто особенное, невероятное, мгновенно потрясающее воображение – Вечный город! Но перед глазами на холмах раскинулись совершенно обычные бетонные офисные здания-коробки, между которыми петляли улицы с блочными жилыми домами.

– Мы заезжаем со стороны делового квартала, здесь находятся многие министерства и ведомства. Я подумал, тебе интересно будет. Вот в этом здании за шлагбаумом заседает кнессет, наш парламент. Видишь, прямо перед зданием стоит бронзовая менора? Увы, ближе не подъедем – не положено. А вот то здание, увитое лозами, – наше Министерство финансов. Его еще в шутку называют стеной плача...

– И это – Иерусалим? – разочарованно вздохнула я. – Я себе этот город немного иначе представляла.

– А ничего! Мне даже нравится! – бодро сообщила проснувшаяся бабулька, весело глаза по сторонам. – На Сургут похоже!

– Подожди немного! – подмигнул мне Шмуль. – Тем разительней контраст будет!

И действительно, быстро пролетев по утренним оживленным улицам делового центра, мы выскочили на довольно узкую, идущую вверх дорогу.

– Поднимаемся на Масличную гору! – сообщил Шмуль. – Пора будить наших туристов. Это то, что они хотели увидеть.

– Че, уже приехали? – недовольно протирая глаза, спросила Рита. – Это Иерусалим, что ли?

Ее отпрыск фыркнул нечто нечленораздельное, отвернулся и продолжал спать, с головой укрывшись курткой.

– Сейчас будет остановка. Все выходим на Масличной горе, в русской традиции – Елеонской. Это особое место в Иерусалиме: здесь царь Давид поклонялся Богу. Возможно, на южном склоне этой горы царь Соломон строил капища для своих нееврейских жен... Говорят, вон там, внизу, был алтарь древней богини Астарты. В эпоху Второго храма Масличная гора была соединена мостом с Храмовой горой. Позже здесь назначали членов синедриона.

– А почему у горы название такое? – любопытствовала Тамара Ивановна. – Тут, наверное, оливы росли?

– По одной из легенд, именно здесь происходила процедура помазания первосвященников, – ответил Шмуль. – Отсюда открывается один из самых замечательных видов на Иерусалим. Смотрите, оттуда, – гид показал рукой за крепостную стену, – поднимаются ввысь молитвы на разных языках. Там находятся основные святыни трех религий.

Я посмотрела, куда показывал Шмуль, и сердце у меня неожиданно екнуло. Я припомнила, что многократно видела эту панораму с крепостной стеной и золотым куполом над ней на чужих фотографиях. Передо мной, спокойный и бессмертный, расстился Старый город. Тут я страшно пожалела, что со мной нет штатива. Снимать такие панорамы можно только не торопясь, с расстановкой, фиксируя малейшие детали.

– Купол золотой – это и есть храм Гроба Господня? – нараспев спросила, перекрестившись на него, Рита.

– Нет, – ответил Шмуль. – Это символический Купол Скалы, Куббат ас-Сахира, мону-мент, возведенный над камнем мироздания, великая святыня, один из главных памятников исламской архитектуры. Рядом – мечеть Аль-Акса. По преданию, это место называется Горой Мориа, где Авраам едва не принес в жертву своего сына Исаака. Издавна оно почитается как центр мироздания.

– Свят, свят, свят! – отмахнулась от Шмуля Рита и ненадолго примолкла.

– А это кладбище, что ли? – притихшим и немного испуганным голосом спросила обычно крикливая Тамара Ивановна, показывая пальцем прямо перед собой.

– Да, кладбище, одно из древнейших, первые захоронения на нем появились еще во времена царя Давида, – кивнул Шмуль. – Его особая святость определяется непосредственной близостью к ущелью Кидрон. Здесь же находятся знаменитые могилы библейских пророков. На этом кладбище, наверное, самые дорогие в мире места упокоения. Они стоят около миллиона долларов.

– Но почему так дорого?

– По преданию, когда придет Мессия и прозвучит трубный глас, все тела умерших покажутся под землей к границам древнего Эрец Исраэль, а этим покойникам катиться далеко не надо будет. Они уже и так тут. Просто восстанут из гробов – и будут первыми в очереди!

– А кто тут похоронен?

– Известные люди: политики, раввины, знаменитости. Например, ваша звезда эстрады Алла Пугачева и Иосиф Кобзон, как я слышал, хотели бы быть похороненными именно здесь.

– Сергей! – строго нахмурила брови Рита. – Надо подумать, может, прикупим здесь для себя местечко?

– Ага, – покорно кивнул щедушный супруг.

– Вообще-то кладбище это еврейское, – усмехнулся Шмуль, кивком показывая на нескольких религиозных евреев, читавших Тору перед воротами. – И частенько местные арабские вандалы тут могилы разоряют.

– Это меняет дело! Похоронимся в другом месте!

– Мама, можно о чем-то другом поговорить! – Мальчик интенсивно жевал жвачку. – Может, пойдем отсюда? Я есть хочу!

– Подожди ты, нехристь малолетняя! Мы в святых местах! К смерти надо готовиться при жизни, чтоб потом не стыдно было! – возразила ему Рита.

– Справа от нас – Гефсиманский сад, – сказал Шмуль, благоговейно показывая рукой на золотые маковки церквей, утопающие в зелени. – С 1681 года он находился под контролем францисканцев. Сейчас там несколько христианских церквей.

– Неужто тот самый сад, где Господь наш молился перед тем, как его жида проклятые распяли? – удивилась Рита и перекрестилась три раза.

– Сад тот самый, в котором Иисус провел последнюю ночь перед арестом. Только вот евреи его не распинали, это распространенное заблуждение, – вздохнув, сказал Шмуль. – Иисуса, как известно, распяли римляне.

– Какая разница? – передернула плечами бабулька. – Все равно евреи во всем виноваты!

– Ну что вы, мама... – попытался робко одернуть ее Сергей, но теща метнула в него такой взгляд, что он предпочел ретироваться.

– А вот там – русская православная церковь Марии Магдалины, построенная на деньги русского императора Александра III в память о его матери Марии Александровне. Эта церковь хранит иконы, написанные известным художником Василием Верещагиным. При храме сейчас находится женский Гефсиманский монастырь. А в самом низу – церковь Страстей Господних. Там растут уникальные оливы, еще с Иисусовых времен. Те деревья многое помнят... Им более двух тысяч лет, это ученые доказали!

– Круто! – авторитетно кивнула Рита.

– А солдаты-то что тут делают? – испуганно спросила бабулька, показывая на группу молодых ребят, которые, не выпуская из рук оружия, полукругом уселись на ступеньках, неподалеку от смотровой площадки. – Не война ли начинается, товарищ экскурсовод?

– Нет, Тамара Ивановна, они просто ребе слушают. У них что-то вроде духовного ликбеза тут происходит, для усиления эффекта – с видом на священный город, обычное явление, – успокоил ее Шмуль. – А вон там, вдоль стены, Кидронское ущелье, которое и мусульманская

традиция считает местом Страшного суда. Над ним от Храмовой горы до площади ас-Сахира, которая станет местом воскрешения мертвых, будет переброшен мост «тоньше волоса и острее меча». А вот – Геенна Огненная, где будут мучиться грешники. Ее изначальное название – Гей Бэн Хинном. В ней, как известно, червь не умирает и огонь не угасает. Когда-то в этом месте приносили в жертву языческим богам младенцев. Сейчас там тоже много захоронений, проложена канализация, а также находится многовековая свалка мусора.

– А какая гиена? – восторгнулся вдруг пубертатный отрок Рома.

– Геенна огненная, дурачина! За что мне такое наказание? – Рита залепила сынуле подзатыльник. – Вырастешь оболтусом – точно будешь там гореть вместе с другими грешниками.

– В геенне огненной очень необычный энергетический фон, – наклонившись ко мне, негромко произнес Шмуль, косясь на семейное сражение. – Приборы показывают значительные отклонения от нормы. Я как-то возил группу российских экстрасенсов, они специально что-то замеряли там, сказали, что сильная отрицательная энергия идет из-под земли, людям туда ходить не рекомендуется. А еще там почва такая, что иногда она гудит под ногами, как будто стонет. Нехорошее местечко!

Я отошла чуть в сторону, чтобы сфотографировать узкую дорожку, выющуюся между еврейским кладбищем и монастырскими заборами. По ней, медленно и забавно семеня, поднималась процессия арабов на осликах.

Не успела я скомпоновать кадр, как невесть откуда подлетел чернявый мальчонка и стал совать мне в руки путеводитель по Иерусалиму на русском языке.

– Не бери! – крикнул мне Шмуль. Но было поздно. Я уже взяла книжку и полистала ее.

– Все, теперь покупай! – сокрушенно сказал наш гид.

– Почему это?

– Тут такое правило: если что-то в руки взял – значит, купил. Отмазки не принимаются. А то и поколотить могут. Это вроде бы шутка. Но серьезного скандала не оберешься...

И действительно, вокруг меня сгруппировалось уже человек пять таких же черноволосых мальчуганов разного возраста, которые громко лопотали на своем языке, как-то не по-доброму зыряка в мою сторону. Я втридорога купила путеводитель – ничего не поделаешь.

– Тут и шины в автобусе проколоть могут, и стекло разбить запросто, лучше не ходить в чужой монастырь со своим уставом, – сказал Шмуль, когда мы селись обратно в микроавтобус.

– А сейчас вези нас, Сусанин, к храму Гроба Господня! Надо помолиться как следует! – заявила Рита.

– А как же Стена Плача? Мы ее увидим? – спросила я.

– Обязательно! – ответил Шмуль. – Западная стена – одна из главных достопримечательностей Иерусалима. Ей две с половиной тысячи лет, она была построена царем Иродом, это все, что осталось после разрушения Второго храма. Он был возведен на месте Первого храма, построенного на Горе Мориа еще царем Соломоном. Место было выбрано не случайно: именно там состоялось легендарное жертвоприношение Авраама.

– Нам туда не надо, ко всяким Соломонам! – авторитетно заявила Рита, нарочито крестясь и завязывая платок. – У нас свой Спаситель!

– Ты действительно хочешь к Стене Плача? – осторожно спросил меня Шмуль.

– Да...

– Я найду способ! – подмигнул он и объявил громко: – А скоро у нас на пути замечательная сувенирная лавка.

– О! – в один голос воскликнули Рита, ее супруг и Тамара Ивановна. Отрок Рома доедал второй гамбургер с демонстративной безысходностью на лице.

– Мы будем неподалеку от Мусорных ворот. К Стене Плача пройдем туда, – шепотом сказал Шмуль, показывая мне дорогу, когда мы остановились и наши туристы рванули в сувенирную лавку.

нирную лавку. – Справа – женщины, слева – мужчины. Хочешь сделать ритуал? Или ты тоже ревностная христианка?

– Нет, я не была крещена, мой папа наполовину еврей, наполовину – татарин, а у мамы есть армянская, польская и французская кровь. Мне никакие ритуалы не страшны!

– Все понятно, ходячий динамит! – рассмеялся Шмуль. – Как выйдешь на площадь перед Стеной Плача, увидишь краники с водой и пластмассовые плоские с двумя ручками. Посмотри, как умываются другие люди: по три раза каждой рукой споласкивают руки и лоб. А потом идут к Стене. Прикоснешься к ней лбом, можешь записочку оставить, а потом иди, не разворачиваясь, спиной назад метров пятнадцать. И плечи не открывай, а то не пустят!

Я смело двинулась через металлоискатель вперед, к главной святыне иудаизма. По пути, естественно, я забыла все, о чем говорил мне Шмуль. Плеснула несколько раз в лицо водой из краника и огляделась. С женской стороны толпилась приличная очередь. С мужской – почти никого не было.

Я решила: чем черт не шутит, может, с мужской быстрее пройду. По крайней мере, меня бородатые мужики в шляпах несколько не смущают и на мои духовные процессы никакого влияния не оказывают!

Я сделала несколько шагов в сторону великой Стены с мужской стороны. Что тут началось! Ко мне с разных сторон с искаженными от ужаса лицами бросились охранники, зеваки, мужики в шляпах. Все они одновременно что-то вопили, выталкивая меня в сторону, прочь от святыни.

– Да ладно-ладно, не кричите вы так! – успокаивала их я. – Не хотите – не надо. Я сама уйду.

Меня разобрала злость. Как будто я пришла в православный храм в Москве в брюках и без платка, а меня там бабки обругали. И тут – то же самое. Дурацкие условности! А еще – Вечный город!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.